

Серафима Григорьевна Нудельман

Держись, классный руководитель!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69121417
SelfPub; 2023*

Аннотация

Профильный класс – «сборная солянка» из разных классов. Коллектива нет. Дети совершенно не воспитаны, грубы, ленивы, развязны, нахальны, вульгарны. У классного руководителя есть 2 года, чтобы... полюбить их. С помощью оригинальных педагогических методик удаётся сделать класс образцовым. Но тут выясняется, что проблема не в детях, а в их учителях. Все события и лица реальные. Все записи сделаны «по горячим следам». Для классных руководителей, школьных учителей, студентов педвузов и всех, кто не боится узнать, есть ли у него призвание педагога.

Содержание

Очень не понравилась сама себе	5
Некоторые «детали» убивали	12
А опера ведь скучна	14
Было до боли обидно	18
Ой, мне хотелось грызть подоконник!	21
Не хотелось больше видеть класс	25
Рассчитывала на «взрыв»	31
Держись, классный руководитель!	35
Класс начали хвалить, и мне стало страшно	44
Произошло нечто, ошеломившее меня	51
Вы – наша смена	59
Моему возмущению нет конца	64
Пора утвердить какую-то наиболее целесообразную линию педагогического поведения	71
Мечтаю о качественном скачке	82
По системе «от противного»	89
Очень важные выводы	97
Как быть здесь с их самостоятельностью?	108
Учитель – человек, а не гранитный столб	112
Узурпирую власть	114
Проверяю свои педагогические воззрения	121
Еле-еле сдерживаю радость	123

Возвратились разболтанные и еще более разобщенные	129
Обожаем наш класс и друг друга	132
То, что они делают, далеко от истинной педагогике	136
«Сюрпризам» нет конца	152
Отчет о воспитательной работе в 11 классе 204- ой школы им. А.М.Горького	155

Серафима Нудельман Держись, класный руководитель!

*«Эта тетрадка явно помогает в работе»
С.Г.Нудельман*

Очень не понравилась сама себе

1 сентября 1958 года

Сегодня произошла первая встреча с классом. Во дворе школы меня ожидала группа мальчиков 10 «А». Подходила – волновалась, но сделала равнодушный и отнюдь не праздничный вид, поздоровалась... Ребята ждали меня, а я почему-то вела себя скучно, без отношения. Вела беседу с классом вяло, нудно, без подъема и, кажется, бессистемно. Выложила им свои требования,

сказала, что классу не рада, что пока их не люблю.

Очень не понравилась сама себе. Ребята выслушали сорокапятиминутный скрип и вышли на перемену. За дверьми меня ждали ласковые и милые Алла и Ниночка. Пожаловалась им на себя.

Вечером пришел Эдик и принес цветы, поздравил с началом учебного года. Было очень приятно, так как из школы я уходила с чужими цветами (мой благословенный нареченный класс считает эту традицию лишней и ненужной), их лежало множество в методическом кабинете – малыши нанесли, и я выбрала себе небольшой букет, вспомнив при этом о забытой девушке, которая на новогоднем балу сама осыпает себя праздничным конфетти. Грустная картинка.

6 сентября 1958 года

Было несколько встреч с классом. Разговоры уже значительно приятнее. Ребята подтянуты, хорошо одеты и причесаны. Учителя не жалуются, наоборот, выражают всяческие радости. Смирнов Т. опоздал на урок физики и не явился вообще. Подняла его, мягко выразила свое недовольство, удрученный вид, сознание своей вины, сказала об этом веско и непререкаемо. Просила всем нравиться.

Это чрезвычайно тяжело – разве можно всем нравиться?

Сегодня первый день их дежурства. Немного, совсем немного посмотрела за ними: увидят меня – подтянутся и рьяно выполняют обязанности дежурных (даже Симонов и Лисицын). Решили завтра ехать на выставку. Интересно, сколько их придет под часы на Палихе. О чем буду говорить с ними и что делать вообще на выставке – не могу себе еще представить. Мой 10-й «В» везде хорошо себя чувствовал: на выставке, за городом, просто на улицах, дома у кого-либо, – везде было приятно быть вместе, играть и возиться, разговаривать и петь. Я никогда не пыталась их особенно веселить, и мною они почти не интересовались, было достаточно того, что я с ними. Новый десятый ждет от меня чего-то особенного, невероятно веселого и героического. Это очень страшно. Ведь я могу их разочаровать. Вдруг завтра будет скучно? Попытаюсь завтра пристальней всмотреться в каждого, быть веселой и интересной.

Как это неудобно, когда о тебе думают лучше, чем ты есть

на самом деле. И в то же время очень хорошо – буду такой, какой меня намечтал 10 класс «А». Хватит ли сил? 28 сентября иду с ними в театр Вахтангова на «Фому Гордеева». В среду поеду за город играть с ними в футбол и волейбол. Просто загород к увядающему лесу. Буду петь с ними, заставлю их петь. Буду шутить, говорить о серьезных вещах

и вглядываться, вглядываться, чтобы во что бы то ни стало разглядеть в каждом милое и приятное, свое, неповторимое.

Жить мне сейчас хорошо и интересно. Хожу подтянутая и почти праздничная. Это часть моей воспитательной программы.

10 кл. А.

204 уч.

1958-59г.

1-й

Сегодня произошло первое встречу с классом.
Во дворе школы меня ожидала группа мальчиков 10^а
~~класс~~. Подошла - выговариваясь, но сдвигая
равнодушный и отнюдь не праймальный вид, подто-
ривалась... Ребята подали меня, а я почему то
вела себя сухо, без отношения. Вся беседа с
классом была, видно, без подвала и камерас
бесшестимо. Выполнила им свои требования, ска-
зала, что классу не рада, что пока их не
люблю. Очень не понравилась сама себе.
Ребята высказали сорокатым минутный скрип
и выжили на предмету. За дверью меня пода-
ли ласкавал и милое Алла и Кирилл.
Потраивалась им на себя.

Вечером пришла Эдик и принесла цветы, поздравил с
началом учебного года. Было очень приятно т.к.
из школы в уюдина с чудными цветами, (мой
благословенный наредительный класс считает эту
традицию милой и нечуждой), их летало
множество в методическом кабинете - маленьки
написки - я выбрала себе небольшой букет,
вспомнив при том о забытой девушке, которая

на поводкем билу сама осыпает себе
праздничные конфекции. Зрусиназ картинка.

6^{то} сентября было несколько встреч с классом.
Разговор уже значительно приятнее. Ребенок
подтянулся, хорошо одет и причесан. Учителю
не жалуются, наоборот, выражают всегеско
радости. Смирнов т. оповдал на урох дитини и
не явился вообще. Подняла его, мелко выразила
свое недовольство, удрученный вид, сознание
своей вины, сказала об этом веело и непреквал-
мо. Просила всем нравиться. Это чрез выкаити
тяжело - разве можно всем нравиться?

Сегодня первый день их депурства. Немно-
го, совсем немного посмотрела за ними - увидела
мелко - подтянулся и ровно выполняют обяза-
ности депурных (даже Смирнов и Мисунин)
Решили завтра ехать на выставку. Интерес
сколько их придет под гасы на Палке.
О чем буду говорить с ними и что делать
вообще на выставке - не могу себе еще предста-
вить. Мов 10^{то} везде хорошо себя чувствовал:
на выставке, за партом, просто на улицах, дома

у кого либо; везде было приятно быть виллаге,
играть и возмущая, разговаривать и пить. Я никогда
не пыталась их особенно веселить и много они
почти не интересовались, было достаточно того,
что я ем. Новый десертный идет от меня
много-то особенного, невероятно веселого и
сложного, это очень странно. Ведь я могу
их разочаровать. Вдруг завтра будет скучно?
Попытаюсь завтра пригласить их посмотреть в
каждого, быть веселой и интересной.

Как это неудобно когда о тебе думают лучше
чем ты есть на самом деле. И в то же время очень
хорошо - буду такой какой меня наметил ЮжасА
Хватит ли сил? 28 сентября иду с ними в театр
Ваханова на "Фолу Гурьева". В среду поеду за
город играть с ними в футбол и волейбол. Просто
за город к уведомляющему асы. Буду пить с ними,
составлю их пить. Буду шутить, говорить о
серьезных вещах и вмешиваться, вмешиваться, что
бы во что бы то ни стало разделить в каждом
минуте и приятно, своё, неповторимое.

Минут мне сейчас хорошо и интересно. Хотелу
подумать и погрим праздничная. Это часть моей
воспитательной программы.

Некоторые «детали» убивали

16 сентября 1958 года

Наблюдений и умозаключений достаточно, а вот не записываю.

Была в походе. Сейчас приехали из театра. По предложению В. Горбунова и В. Колоскова ездили на «Турист». Собирались все. С увлечением договаривались о мелочах: что взять с собой, как одеться, как себя вести. У класса «горели глаза», и я была чрезвычайно довольна. Вечером несколько остыла – подумала о себе; наутро в классе рассуждала, просила, чтобы логично подумали: дождь, везде грязь, дорого и т.д. Настроение было уже бледное: многие еще до моей «логики» рассудили и не желали ехать. Семь-восемь ребят очень этого хотели, и я поехала – назло всем раздумавшим.

Поездка вышла удачной. Некоторые «детали» убивали, но я держалась стойко. Валя Восков и Саша принесли с собой карты... Отобрала. Сказала, что никогда этого не терпела и не позволю. Прошли грязь и холод, дома спали неудобно и тоже было холодно. Вечером читали знаменитые «12 стульев» – реагируют чрезвычайно впопад, читать любят.

Несколько по-крючковски вел себя Горбунов – тщесла-

вен, любит внимание, не умеет слушать других, увлечен собой, явно ухаживает за Тужилковой (здесь это норма, я восприняла это неважно, у меня в 10 кл. «В» ухаживаний и обхаживаний не было – все сопровождалось дружной шуткой, и мягко высмеивались начинающиеся романы).

За едой было весело и непринужденно. Володя К. скис и решил сам мыть свою миску – сказала, что за тебя это сегодня сделают товарищи, нет у нас твоего-моего – все наше.

Обратно шли растянуто, не дружно, но в поезде вдруг хорошо распелись, разошлись мило, как приятели.

Петя Божинский скромен и чуть-чуть смешон, В. Колосков остроумен, Саша Салосин начинён пошлыми романсами и разухабистыми словами, резко звучащими на его детских губах, не вяжущимися с его тщедушной фигурой и милым лицом.

Валя Восков воспринял что-то неприятное от своейлетней походной жизни, но будет очень хорошим верным парнем.

Девочки. Проще всех Алла Г., несколько пошловата и неженственно развязана; Марина Т. страшно кокетничает и стреляет глазами, Наташа К. очень не глупа, но и не интересна. Пока девочки не нравятся.

А опера ведь скучна

В театре на «Войне и мире». 14 человек. Все прилично, с определенной (возможной) изысканностью одеты, подняты. Очень приятно. Опера тяжелая, мало музыкальная; вели себя хорошо и все-таки в конце не выдержали тона – ушли с последней картины Салосин, Меренков, Лисицын, Смирнов...

Как реагировать. Сказать, что это признак невоспитанности? А опера ведь скучна. Как могли не подождать меня? Но ведь я осталась не одна. Почему не поблагодарили – ведь я доставала им билеты? Но ведь я не доставила им радости.

Скажу так: опера была скучна, но очень сценична, были интересные и скучные сцены. Вы десятиклассники; чтобы оценить произведение искусства – надо как минимум досмотреть его до конца. Приведу пример с кино, когда в момент заключительных кадров люди встают, мешая другим и шумно уходят. Не потому, что им скучен фильм, не потому, что они спешат. А потому, что они никого не уважают. Ни зрителей, ни людей, которые для них делали фильм. И, конечно, не уважают и себя. В этом иные видят даже некоторый шик. На них шикают, кричат. Это раздражает всех. Это в театре может оскорбить артистов, опечалить их; сделать несчастными. Это крайне невоспитанно, дурно.

Дальше. Вы ведь были не одни, был ваш коллектив и

классный руководитель. Такая «концовка» сделала наш выезд в театр очень печальным. Это ведь неприятно подействовало на ребят и на руководителя. Были вместе, а ушли порознь, как чужие. Пример с лагерем, с походом, – были вместе, а вдруг несколько человек ушли, уехали, и выходит, что коллектива-то нет, кто-то считается только со своим желанием, настроением...

Решайте. Если это будет повторяться – коллектива не будет.

Коллектива не будет – вам же будет плохо, скучно.

Ходить за вами не буду, просить вас не стану. Одно из двух: или вы придёте – будем вместе, каждому станет теплей, уютней в нашей семье – не придёте – начнутся беды, недопонимания, недомолвки, взаимное непонимание.

Вместе лучше. Не прячьтесь. Когда вместе – легче поправить ошибки и предотвратить их.

17 сентября 1958 года

Беседу провела. Говорила просто, веско, чуть-чуть длинно – это лишнее. Девочкам пообещала разговор, пусть чуть-чуть потерпят, пождут, взвесят все за и против. Наверно, проняла сегодня кое-кого, а если нет – потерплю, время еще есть.

Отдельно вызвала курильщиков (не называя фамилий) и Смирнова. Сказала им так:

– Я не требую сейчас, сегодня же, чтобы вы бросили курить, вы не настолько знаете меня и не настолько уважаете, чтобы тотчас сделать по-моему...

Рассказала вскользь, доверительно насколько это вредно, как курение снижает работоспособность и т.д... В заключение твердо и упрямо потребовала, чтобы никогда они не курили в школе (младшие увидят, захотят быть похожими на взрослых и т.д.), сказала, что буду беспощадна к курильщикам.

Смирнов обещал не прогуливать и делать домашние задания всегда. (Он опоздал на урок физики – не пришел и ушел с немецкого – не приготовил домашнего задания.)

По-прежнему настроение у меня бодрое. Я – на «линии огня». Интересно жить. На их производстве не была.

Наверно, когда понадобится их полюбить, нужно пойти на завод

(а у меня в этот момент уроки!).

Было до боли обидно

30 октября 1958 года

Прошло много времени. Полтора месяца. Я не находила ни времени, ни желанья писать. Это были тяжелые полтора месяца. Почти три недели из них я занималась на выставке – готовились к сорокалетию школы. Очень устала и очень довольна работой. Выставка получилась интересной, содержательной, не очень громоздкой и в то же время охватывающей многие стороны жизни нашей школы.

Я знала, что буду заниматься этой работой, была уверена, что это увлечет и 10 кл. «А», но, увы, увлечения не произошло. Как всегда, я обратилась к классу помочь в организации выставки. Сказала, по-видимому, не так, как нужно для этого класса.

Впервые за 12 лет работы в этой школе я осталась одна.

Я не помню, в какую из суббот это случилось, но было очень грустно. В эту субботу я попросила ребят прийти помочь, и никто не пришел. Это было ошеломляюще. Всегда ребята очень любили со мной работать, приходилось прогонять лишних, чтобы избежать шума, суеты и неразберихи. Я рассчитывала на помощь именно 10 кл. «А» – было необходимо вызвать у них энтузиазм и чувство приближения школьного праздника, быть с ними, беседовать, шутить и поговорить всерьез, и показать им, что я умею(!) (это не от нескромности и бахвальства, а от педагогической необходимости; я уверена, что ребята должны знать, на что способен их учитель). Словом, я рассчитывала на эту выставку, думая, что она явится переломным пунктом их извечных противоречий с учителями. Я возлагала большие педагогические надежды на эти три недели. Увы, моя наивность и самоуверенность были очевидны. Ребята не пришли ко мне. Работала с 10 кл. «Б». Это хорошо, но тем не менее это было не исполнением надежд. 10 «Б» и без того очень милый и приличный коллектив, я преподаю там историю, они прилежны и честны в работе.

Было до боли обидно уходить поздно из школы и видеть, как мальчишки из моего класса часами «режутся» в пинг-понг.

Я сердилась. Приходила в класс и сразу же начинала нерв-

ничать, и капельки взаимной симпатии, найденные и собранные в начале года, испарялись.

В эти дни ребята были не просто равнодушными, но холодными и даже дерзкими – я потеряла терпение и кричала на них. Беседы носили характер очень резкий и невразумительный.

Кончилась выставка, прошла усталость, и я, как всегда, начала искать новые пути к их сердцам. А пути эти не очень сложны, но где-то затеряны.

Не любят эти ребята учителей, не верят в их искренность, не любят друг друга и произносят слово «дружба» как недостижимый идеал.

Ой, мне хотелось грызть подоконник!

У Л. Ивановой на уроке географии (она отвечала у доски) пропала ручка – кто-то взял ее и присвоил. Потом Лида увидела ее у В. Самохина – была неприятная сцена разбора этого факта. Я не могу предать словами своих чувств в этот момент – смесь смущения и омерзения. В десятом классе подобные события – редкость, а для меня тем более. Я в своем бывшем классе ничего подобного никогда не разбирала – таких фактов просто не было. То, что ребята плохо учатся, опаздывают и плохо ведут себя на уроках военного дела – это можно пережить, с этим можно побороться, а вот с тем, что они не уважают друг друга и дружат группками как-то по-уличному, и то, что в классе пропадают вещи – это уже похуже, посерьезнее.

Заболел Т. Смирнов. Лечили в больнице. Заставила почти ежедневно бывать у него. Решили отмечать дни рождения. Собрали деньги, отметили подарками Т. Смирнова и В. Горбунова. Ездили выбирать подарки, хотели угодить каждому – это все получилось хорошо. Даже вечер был в одну из суббот (25 октября). И вечер прошел хорошо. Я с разрешения ребят пригласила 10 кл. «В» (бывший). Играли, танцевали, бегали. Очень я устала, всё приходилось организовывать са-

мой и быть в игре первой (!). Но было хорошо – мои бывшие умеют поиграть.

Вечером «провожились» по Новослободской. Впервые со мной были Смирнов, Титов, Лисицын и др. Вскользь решали, как проведем праздники в ноябре. В общих чертах решили встретиться. Мои бывшие встретили это предложение без энтузиазма – им хочется побыть друг с другом.

Очень противны в классе две девочки М. Тужилкова и Н. Кочерыгина – жеманятся, кокетничают, стараются обратить на себя внимание, всем недовольны, плохо учатся, не терпят соперничества. Кочерыгина страшно была недовольна, что на вечер придут еще девочки. «А зачем?» – капризно сказала она. Я даже растерялась, не знала, что сказать. А потом заявила тоже дерзко: «Я просто их люблю. Это девочки из хорошего коллектива. Они только украсят наш вечер». Не знаю, убедил ли я Кочерыгину, но на самом вечере она ходила с Тужилковой надутая и недовольная.

Завтра буду иметь с девочками отдельный разговор. Попытаюсь что-то сделать, если надо прикрикнуть – сделаю и это, но постараюсь убедить во многих необходимостях. Учитываю, что

девочки-десятиклассницы – это трудный материал для воспитания, труднее мальчиков.

После вечера обнаружилась пропажа перчаток у Г. Лантий. Ой, мне хотелось грызть подоконник! Это уж слишком! Теплится надежда, что она выронила их где-то вне школы. Как хочется верить в эту версию.

Вчера на общешкольном вечере в честь 40 годовщины ВЛКСМ выступили мои ребята с отрывками из пьесы «Гимназисты». Волновались. Хорошо выступили. И я волновалась. Задумали делать ШТЭМ. Нужно помогать. Выступали они с успехом и в прошлом году, но это не сближало их, после выступлений они снова разъединялись и презирали друг друга. Что это такое?

2-го ноября идут на «Клопа» в театр Сатиры. Мне билета не предложили. Взяла у билетерши, ребята об этом не знают. Очень тяжело. Мои «бывшие» нигде и никогда не были без меня.

11 ноября 1958 года

Были в театре. Спектакль понравился. Меня поразила бесцеремонность в так называемой «дружбе» Колоскова и Тужилковой. Не стесняясь никого, они сидели рядом. Несмотря на то, что я своих учила быть вместе, сидеть ря-

дом, эта пара меня возмутила отсутствием скромности и афишированием своих личных отношений.

Беседовала с Колосковым. Он понял меня сугубо теоретически, а по существу ничего не понял. Говорила об учебе, об отношении к коллективу, о его «дружбе» с этой девочкой, у которой нет ни одного простого, естественного движения. Обещал «подумать», вот и все.

Не хотелось больше видеть класс

Был вечер 7-го ноября. Организовывал все 10 кл «А». Из 20 человек было 17. Это хорошо. Собирались у Аллы Грачевой. Девочка хотела, чтобы все было хорошо. И, насколько это возможно, все было сделано.

Жалела, что не пригласила их к себе – уж очень у Аллы убогая комната с сыростью, с лампочкой под огромным красным абажуром, с картиночками на стенах и высоченной кроватью.

Мы пили вино. Было обидно, что я сдаю свои позиции, но было бы смешно и дико отказать им в этом. Во всех семьях было вино, и если бы я категорически отказалась, то это было бы ханжеством. Ребята собрались бы без меня небольшими группами и, чего греха таить, напились бы, так как никто из них не знает чувства меры. Все было очень чинно, без излишеств. Несколько рюмок не испортили общего праздничного настроения.

Правда, Горбунов пришел из гостей, и эти несколько рюмок сделали его храбрым и не в меру развязным. Шура Салосин очень дурно воспитан и старался много выпить. Ну вот, собственно, и все казусы. Остальные не высказали никакой жадности и были чрезвычайно сдержанны. Разве не характерно, что Салосин и Горбунов – дети интеллигентных родителей – не умеют себя вести. Дома родители, по-види-

тому, чаще, чем у простых людей, занимаются морализованьем без меры, а на очень важные детали не обращают внимания, считая и себя и своих детей выше и лучше других.

Кочерыгина выглядела отвратительно. Она обильно напудрилась и распустила волосы с лошадиной челкой на глаза.

Безвкусица так и брызжет. Это устраивает таких как Салосин. Маленький, тщедушный, он ухаживал за ней, и часто они вместе уходили в коридор.

Танцы сменялись играми, песнями, плясками. Было весело почти непрерывно. Я для ребят не составляла особой достопримечательности. Это положительно, но не очень. Надо, чтобы они меня несколько стеснялись, совсем чуть-чуть, но это необходимо.

Очень были хороши Смирнов, Лобанов, Лисицын и др. Почти прилично вел себя Колосков: он не фыркал, не делал гримас и даже танцевал.

Поздно, около двенадцати ночи, пошли на площадь. Было холодно, а на праздничных улицах еще попадались подгулявшие компании, но не так уж много.

Мы шли с песнями. Несколько смущали и шокировали ребячья грубость, желания петь необычайно громко, с криком, с посвистом. Останавливала – не помогало. С прежними я никогда не испытывала неудобства, и мне не было стыдно за их дурное воспитание. Это были дети, которые любили попеть и поиграть, но без невероятного противного ухарства, с чувством меры.

На площади Маяковского Тужилкова вдруг решила возвратиться и потребовала себе провожатых, и тотчас от общей кампании отделились Горбунов и Колосков и пошли провожать «даму своего сердца». Ребята возмутились. Галахов шел и ворчал: «Ишь, звезда какая, будто не могла раньше уйти, чтобы обойтись без провожатых».

Наша группа поредела, и стало как-то грустно, натянуто. Я тоже высказала свое резкое мнение по поводу такого аристократизма. И, конечно, вспомнила, что девочки из того класса никогда не позволили бы себе такое. Наоборот, после прогулок я сама заставляла мальчиков быть вежливыми и провожать девочек, особенно если было поздно. Девочки обычно с независимым видом отказывались, но в конце концов позволяли себя проводить.

На площади у Мавзолея мы ожидали смены часовых и очень измёрзлись. Я решила, что пора идти домой – было около двух часов ночи. Предложила ребятам, но меня никто не послушал (характерное явление). Возвращалась с Витей Титовым. Было очень грустно. Немного волновалась за класс – ночная прогулка (затянувшаяся) тревожила. Вечер казался неудачным. Было несколько жаль себя, жаль сил, потраченных на этот неблагодарный и непослушный коллектив.

Утром встала совершенно разбитая, и не хотелось больше видеть класс, даже разговаривать не хотелось.

После праздника, в понедельник, пришла в школу и тотчас услышала, что ребята возмутительно, развязно вели себя

на уроке немецкого языка (особенно Меренков и Лобанов). Очень рассердилась. Пришла в класс. Накричала. Нервы никуда не годны. Назначила родительское собрание.

О чем говорить с родителями? О том, что их дети совершенно не воспитаны, грубы, ленивы, развязны, нахальны, вульгарны? Кто мне поможет, ведь «дети»-то уже в десятом классе.

Впервые за много лет я не хочу идти в школу, не хочу входить в «свой» класс. Чем это кончится? Ведь так я ничего не достигну. Я громко сержусь на ребят, а гнев – плохой советчик.

В школе нет помощников в воспитательной работе. Да и посоветоваться не с кем. Словом, все очень неважно выглядит. Завтра пойду на завод. Посмотрю их за станками.

13 ноября 1958 года

Снова был сорван урок немецкого языка. Учительница новая, тихая и пока беспомощная. Второй раз она называет

фамилии Меренкова и Лобанова. Вызывала их и так отчитала, что долго сама не могла успокоиться. Вызвала родителей. Лобанов после беседы насвистывал веселый мотив, показывая, что плюет на все мои замечания. Хочется грызть подоконник(!). Вечером беседовала с родителями и учениками (Восков, Лисицын и Симонов). Безобразно шёл разговор с Восковым. Наглый взгляд исподлобья, саркастическая улыбочка, мать плачет.

14 ноября 1958 года

Третий вечер провожу в школе. Беседую с родителями, с учениками. Беседую подолгу, не спешу; говорю, слушаю. Родители моих ребят производят хорошее впечатление. Простые люди, «без фасона», внимательные, вежливые и аккуратные. Стараюсь ничего не забыть, обо всем сказать, все выяснить. Пытаюсь не «перегрузить» беседу жалобами. Припоминаю положительные черты их детей, хвалю, радуюсь и «выговариваю».

Устаю ужасно, но не жалею себя – эти вечера просто необходимы. В 10 кл. «В» «это» происходило в 7 и 8-ом классах. В 10-ом уже не было острой необходимости вызывать родителей, а сейчас ничего не выходит иначе.

Урок истории идет у них с напряжением в тревожной тишине, на лицах нет доверия и интереса. Меня на уроке боятся – это никак не может устроить учителя.

Что за класс?

Тяжело.

На среду назначила комсомольское собрание. Бюро нет (по новому уставу), а с кем готовить собрание неизвестно. Сказала, что надо обо всем откровенно поговорить – «размежеваться», чтобы объединиться потом.

Предварительно поговорю: с Галаховым, Колосковым, Ивановой, Салосиным. Посоветуюсь.

15 ноября 1958 года

Вечером – беседа с родителями и учениками. Сегодня урок немецкого языка прошел хорошо. Меренков обманул родителей – сказал, что будет на вечере 7-го ноября, взял деньги, а на самом деле на вечере не был. А где был?

Рассчитывала на «взрыв»

26 ноября 1958 года

19-го комсомольское собрание состоялось.

Оно прошло остро, интересно и необычно. Я была настолько увлечена, что не сумела записать выступления. Очень сожалею.

Иванова Л. сделала сообщение об итогах четверти. Очень беспомощно докладывала о неуспевающих, об «отвратительном» поведении в классе (военное дело, немецкий язык) об опозданиях на химии. Перечисляла фамилии Меренкова, Салосина, Смирнова, Самохина и Кузнецова.

«Чем это может быть вызвано?» – спрашивает у класса Лида. Класс молчит. У многих улыбки. Все довольны. Всё плохо. У всех плохо.

Поручен доклад Салосину – не сделал.

Фотолетопись (Титов) – не делается.

Сбор макулатуры – мы не участвовали.

Дневники – не сдают.

– Пусть староста выступит, – говорит Лида.

– Я не хочу выступать, – отвечает Шура.

Вяло выступили Кузнецов, Смирнов.

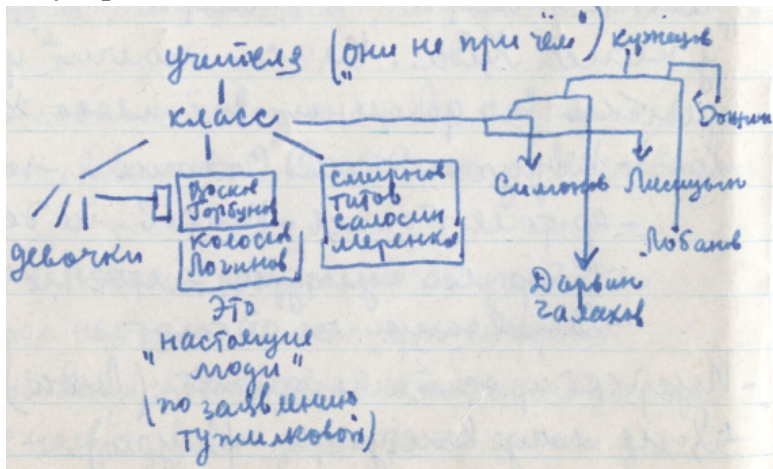
Восков говорит о Галахове, о его плохом поведении на собрании. В этот момент Галахов действительно был возбужден более обычного – он готовился «разразиться».

Галахов просит слова. Выходит к столу. Берет в руки мел и начинает свое выступление:

– Откуда всё произошло? – задает вопрос классу и рисует ответ. Все внимательно слушают и следят за доской.

Галахов рисует схему! Схему отношений внутри класса, схему неразберихи, разобщенности, отсутствия дружбы и т.д., и т.п.

Рисуя, рассказывает.

Характеризует группы, группочки и отдельные «выдающиеся» личности.

О Смирнове: «Любит, чтобы ему подчинялись», «желает

навязать свою волю», «думает, что сумеет всех покорить».

О группе Смирнова: «Школа для них убежище от скуки».

О Воскове: «На всех пыхтит, недоволен».

О Симонове: «Умный».

О Дарьине: «Хороший парень, но это я по-приятельски».

Смирнов крутится на парте:

– А ну, давай, ребята, куда я вас направляю? Факты, факты, Галахов!

Галахов не учел этого обстоятельства. Он не вооружен фактами. Он говорит как чувствует.

– Я не записывал факты, – говорит он Смирнову.

Говорит Галахов плохо, в выражениях не стесняется. Он взволнован. Класс тоже взволнован. Схема на доске выглядит уродливо. В конце своего наглядного выступления Галахов жирно округляет схему мелом и веско говорит:

– А это должен быть класс.

Одобрительный шёпот. Смирнов горько улыбается.

– Лучше всех знает меня моя мать. Она никогда не говорила мне, что я хитрый, – говорит Смирнов.

– Я с тобой дружу уже давно, с детства. Галахов прав. Ты – умный, ты – хитрый. А мы за тобой во всех делах, во всем плохом, как овцы, – отвечает Салосин. Говорит медленно.

– Ты можешь на меня обидеться и сделать так, что многие обидятся, но я говорю...

В голосе Шурика обида, злость, жалость к себе. Смирнов хрипит...

Но Шурика никто не поддерживает.

Это слишком революционно.

Собрание пошло уже мягче. Приняли решение. Составляли тут же. Создали бригады совместной учебы. 5 человек в бригаде. Тут же договаривались о днях и часах. Решили восстановить завтраки. Работать на стройке (победить в соревновании!). Уехать в зимние каникулы в деревню (это – средняя перспектива). Провести две интересные политинформации. Пойти один раз в театр и т.д.

И довольна собранием, и не очень. Рассчитывала на «взрыв» (если учесть, что выступление Галахова было прекрасным). Но получился не «взрыв», а какое-то затухающее пламя, а может быть, разгорающееся...

Держись, классный руководитель!

1 декабря 1958 года

Ребята «подтягиваются». Занимаются. Не все. По-прежнему Смирнов только «выкручивается». Проспал урок географии (29.XI). Прогуливает уроки химии. При этом извиняется, краснеет, говорит правду. Но кому нужна эта правда, если он не учится.

На уроках немецкого языка порядок. Учат слова. Получают почти законные «тройки». Учительница производит на меня прекрасное впечатление. Очень внимательная женщина. И умная. Это не могут не увидеть ученики.

В стране много интересного. Очень волнует почин железнодорожников ст. Сортировочная. Бригады коммунистического труда. А в школе? Можно? Как? Какие формы? Дважды собирала актив. Советовалась с ребятами. Советами помогал сотрудник сектора истории Геннадий Павлович Давыдов. Сегодня собрание. Будем обсуждать.

10 «А» класс 204-ой школы вступает в коммунистическое соревнование.

Наши заповеди:

I. Класс живет по правилу: Один – за всех, все – за одного. Это значит: помогать товарищам в учебе, во время одернуть товарища, предотвратить, если можно, дурной поступок, сказать при всех правду в глаза товарищу, помочь в беде, быть внимательными друг к другу, делиться всем с товарищами. Не считать моё, твоё. Сосед отстает – помоги. Сам не можешь сделать – не гордись, обратись к товарищу.

II. Мы учимся и работаем так, чтобы принести еще больше пользы своему народу. Для этого: мы не списываем, не подсказываем, не пользуемся шпаргалками.

Каждый добросовестно, в меру сил и способностей, выполняет домашние задания. Не механически, а творчески, стараясь сделать лучше.

Каждый считает двойку позором для себя и для класса.

На уроке всегда везде порядок; сознательная дисциплина – закон для всех.

III. На заводе:

Мы добросовестные ученики-рабочие.

Мы старательно овладеваем профессией.

IV. Дружбу мы понимаем не только как постоянное общение друг с другом, но прежде всего как высокую требовательность к себе и к товарищам. Требовательность, даже резкая, не должна быть грубой, вызывающей.

Мы называем друг друга только по имени. Отменяем клички и грубости, которые были до сих пор.

Девочки и мальчики в классе, прежде всего, товарищи. Скидки только в физическом труде. В остальном – равны.

Сквернословие – позор. Сквернословие уничтожает достоинства человека.

С учителями, с нянечками, дома, в школе и на улице, со всеми людьми, не считаясь с их образованием и положением, мы всегда вежливы, тактичны и приветливы. Мы уважаем старость на улице, дома, в семье.

Мы заботимся о своей культуре. Мы будем чисты, опрятны, подтянуты. Утренняя зарядка – обязательна для всех. В свободные часы – мы читаем, идем в театр, слушаем музыку, учимся танцевать.

Эти заповеди мы пополняем следующими обязательствами. Мы обязуемся:

1. Четверть и полугодие кончаем без двоек.
2. За декабрь каждый прочитывает вне школьной программы 1 книгу (художественную, научную и т.д.).
3. В декабре на родительском собрании должно быть рассказано о том, что все ученики резко изменили свое поведение дома – они аккуратны, вежливы, предупредительны и помогают домашним в посильном труде.
4. В декабре научиться танцевать вальс.
5. Все бригады вступают в коммунистическое соревнование.

6 декабря 1958 года

Суббота.

В прошлый понедельник состоялось бурное собрание. Начал Валя Восков. Он рассказал о движении в стране, о бригадах коммунистического труда, о заповедях этих бригад. Потом я прочитала вслух статью И.Эренбурга в «Комсомольской правде», кажется, «Заглянем в будущее» (не помню названия). Колосков Володя зачитал проект наших заповедей и обязательств к XXI съезду КПСС. Началось обсуждение. В гостях у нас – Геннадий Павлович Давыдов и Любовь Иосифовна Родина. Это настораживает и смущает ребят. Я волнуюсь. Класс расселся «по-боевому». Четверо демонстративно листают какие-то книжки. Уже протестуют. Что-то будет дальше. Обсуждение идет вяло. Снова перечитываем заповеди. Они просты и чрезвычайно сложны. Там где говорится о «двойках», воспринимают хорошо – об этом много раз говорилось и писалось, много давалось обещаний по поводу злополучных двоек. Это в конце концов можно не выполнять, не беда. А вот есть в этих заповедях какие-то новые необходимости:

«Один – за всех, все – за одного»;

«Не считать: мое–твое»;

«Требовательность к себе и к своим товарищам»;

«Внимательность»;

«Выдержка»;

«Предупредительность»;

«Уважение к старости»;

«Прекратить клички и грубости».

И многое такое, о чем всегда говорили учителя, но никто не просил ребят подписаться под этими требованиями и превращать их в закон.

Это уже сложно.

Кое-кто, Лисицын например, Симонов, Лобанов, Титов, Горбунов, Меренков в момент, когда выступает Галахов, Салосин, Восков, пытаются отшутиться: «Ладно, давай, ребята, примем заповеди». Дескать, всё равно. Но это на этом собрании не имеет успеха. «Нет, – говорит Валя Восков, – надо очень серьезно обсудить». И в десятый раз обращается к классу: «Кто хочет слова?»

Галахов говорит, что жить по-коммунистически ему сейчас еще трудно:

– Чем больше я думаю об этом, тем мне труднее подписать эти заповеди. Хоть я и знаю, что это очень хорошо и необходимо и это поможет мне стать достойным человеком.

Лобанов Леня ведет себя очень вызывающе, приподнято, шумит, размахивает руками, явно желая обратить на себя внимание (это он вначале собрания демонстративно читал). Его просят выступить. Он долго поднимается, молчит, потом произносит обидные слова: «Мне это безразлично». Это явно не так, ему не безразлично, он только хочет как можно

эффектней выглядеть во всей этой истории.

Самый большой спор вызвали заповеди в том месте, где написано о дружбе. «Дружбы не будет» – заявил Лобанов, Галахов и еще кто-то, не помню. Начался крик. Возражал Салосин: «Мы уже стали дружной».

Я села к столу (не выдержала!), повела разговор о дружбе. Начала с вопроса: что такое дружба, как понимать её, как достигнуть. С места: «Дружба – это общая цель».

– Есть ли у нас общая цель?

Выяснили – есть. Хорошо кончить школу, поступить на работу, овладеть производственной квалификацией, даже поступить в ВУЗы – есть общая цель.

– Но это не все. Что такое дружба?

– Взаимная привязанность, – кто-то с места.

– Правильно!

Очень поспешно поднимается с места Галахов. Он говорит о том, что у него в классе ни к кому нет привязанности:

– Прошли уроки, и я ушел. Вот и все мои привязанности.

И ни к кому у меня в классе не может быть такого чувства.

Смирнов говорит, что многих он мало знает, а некоторых «так просто ненавижу, хоть что хотите со мною делайте!».

Салосин говорит об эгоизме Галахова и о том, что в классе нельзя прожить без дружбы и учиться нельзя: никто не поможет, никто не порадуется успеху.

Марина Тужилкова рассказывает, что Галахов, сильный ученик, отказался им помочь в задачах только потому, что

мы не из его группы: «Разве это правильно?». Большинство за дружбу, за требовательность к себе и к товарищам.

Поднимала с мест Меренкова, Симонова, Лисицына, Кузнецова. Гера Кузнецов очень увлечен идеей, но «как быть с Лобановым, он и сейчас себя вести не умеет».

Лобанов гордо: «Мне безразлично, но я мешать не буду!» (А я еще уверена, что Лобанов первым откликнется на все хорошее.)

Собрание шло без малого четыре часа. Наши гости довольны, особенно Геннадий Павлович. Ему понравились ребята, их горячность и безусловный серьез. Он хорошо выступал. Просто.

В конце собрания пришли к выводу – так жить! Так учиться! Так работать!

На соревнование вызвать 9 кл. «А».

Завести дневник класса (предложили личные дневники, но эта идея не вызвала энтузиазма).

В среду.

Только вошла в учительскую – Фаня Марковна:

– Серафима Григорьевна, очень хорошо. Подготовили уроки. Меренков и Салосин получили по «четверке», все участвовали в уроке. Дисциплина хорошая.

Воспринимаю почти не моргнув глазом – ничего другого, дескать, и не ожидала. Вру. Боялась среды, боялась немец-

кого языка. Оказалось – все хорошо.

Учителя военной подготовки предупредила: «Класс взял на себя повышенные обязательства. Понаблюдайте, скажите мне обо всем»

После урока военной подготовки: «Отлично! Так не было ни разу с начала года».

Потом меня взяла «за пуговицу» учительница физики и тоже говорила что-то приятное.

В общем не среда, а сплошная радость.

Урок истории прошел тоже хорошо. Дисциплина была отличной. Ребята как всегда подтянуты, но не напряжены, а свободны – явно знают материал. Осмысленные глаза, и запись осмысливают явно. Это всегда учитель способен почувствовать.

В конце урока сказала о разговорах в учительской. Не знаю, хорошо ли это. Сразу так легко, и уже результат, нет борьбы, нет трудностей? Думаю, что хорошо.

Радость – всегда хорошо. Ругань – всегда плохо.

Хоть изредка и необходима.

На вечере в школе официально заявили о коммунистическом соревновании. Наш вызов 9-й класс «А» принял, а 9-й класс «Б» нас вызвал. Круг пока замкнулся – мы соревнуемся с 2-мя девятыми. Теперь, держись, ребята, держись, классный руководитель!

Что нужно теперь? Скрупулёзное внимание ко всему хорошему со стороны всех учителей. Теперь нужно как никогда помочь классу поверить в себя, помочь каждому выполнить взятые на себя сложные обязательства. Теперь почти всё зависит от старших. Сумеют ли старшие играть в эту хорошую полезную игру, не окажутся ли среди них скептики и злопыхатели, которые будут возводить ошибки в этой игре в степень катастрофы, не начнут ли сразу говорить: «Взяли обязательства, а не выполняете, эх вы» и т.д., и т.п. А ведь это еще очень юные мальчишки и девчонки, и ошибок у них ой сколько будет.

Решили с Валентиной Георгиевной сразу же собрать педагогический совет. Опять придется драться...

Класс начали хвалить, и мне стало страшно

Вчера, 5-го, собрались гулять, решили кататься на санках. Где? Денег нет. Решили устроить прогулку в сквер на Миусской площади. Многие пришли. 14 человек. Играли в снежки, возились, смеялись... Сквер огласился звонкими срывающимися юношескими голосами (из девочек были Марина и Лида).

Играли в «салочки», в «разрывные цепи». Я порядком замерзла. Леня Лобанов и здесь не мог слиться с «массой». Сидел на скамейке, молчал, сердился, когда кто-нибудь случайно попадал в него снежком. Но в конце, когда шла игра в «разрывные цепи», не выдержал и стал в одну из команд. Ребята сразу же это заметили и начали кричать: «К нам Лёню!», и другая команда: «К нам Лёню!». Не рассердились на то, что он «воображал» так долго, а сразу же приняли его в игру радушно, как полагается друзьям. Думаю, что это оценил и сам «герой» и в следующий раз «воображение» займет у него меньше времени.

На сквер за мной пришла сестра Мила и Володя Р. с Колей Х. Оказывается Коля Х. уезжает из Москвы на работу в Тулу, он пожелал отпраздновать свой отъезд со мной. Его жена в командировке, а отметить такое событие необходимо.

Коля Х. – мой воспитанник, очень хороший парень, любитель школы.

Я ушла. Попрощалась. Честно сказала причину «дезертирства». Что было дальше? Не знаю.

Знаю твердо, что успех дела зависит и от того, сколько я смогу мерзнуть на скверах, бегать в «салочки» и смеяться.

7 декабря 1958 года

День прошел неважно. Двойки по географии, двойки по истории. Как поступить. Собрать совет. Вчера провела совещание о походе в «Турист».

Когда загорелись у ребят глаза, сказала, что если в классе будет хоть одна четвертная итоговая двойка, то весь класс лишается похода. «Один – за всех, все – за одного». Таким образом формула будет в действии. Я объяснила, что эту меру коллективной ответственности я применяю впервые, что в прежних классах я так не поступала, а теперь... теперь

класс-то наш особенный...

18 декабря 1958 года

Класс начали хвалить, и мне стало страшно. Люблю похвалу и боюсь, что она преувеличивает истинные достоинства.

Ничего особенного не произошло как будто, и в то же время что-то есть новое, приятное. Ну, во первых, я полюбила дни, когда «мои» в школе. По-хозяйски уже иду на урок к своим. Что-то в них есть родное и близкое. В ком, в чем? Не знаю. Во всяком случае нет этой настороженности в них, хитринки, желания обойти меня подальше, скрыть что-то свое, чего и скрывать не надо.

Двойки есть. Всклоченная прическа Титова, Лисицына, Симонова есть. Грубости Салосина, тщетно делающего из себя «самостоятельного» юношу, есть. Леня Меренкова, Титова, Смирнова и Божинского – при них. Но... На прошлой среде:

– Может быть, нам сегодня сделать собрание?

– Нет, Серафима Григорьевна, мы сегодня вместе на каток(!). А Вы с нами?

– Я не умею бегать на коньках.

– Мы научим. Поедемте. От масс отрываетесь?

Это разговор с Лобановым. Тон просительный, чуть-чуть грубовато-шутливый.

В классе нет прогулов. Момент, определяющий намечающуюся близость, желание быть в школе, с товарищами.

Пропустил Симонов, Кочерыгина. Принесли справки. Только заикнулась – несут к моему столу. И, как мне показалось, несут с достоинством, дескать не прогуливали, честно проболели. А я и сама знаю, что это так. Методика борьбы с прогулами у меня очень проста. Не пришел кто-то в школу, обращаюсь к классу, в голосе тревога: «Нужно навестить! Отнести заданные уроки, спросить о здоровье, гостинiec принести». Так раз и два и три. А рядом с тревогой металл в голосе: «Ты справку от врача принес? Записка от мамы? А мама врач? Ты можешь надолго разболеться, можешь заразить других, обязательно обратись к врачу».

Но это пустяк по сравнению с общением их вне школы, с хорошо проведенным вечером на улице, в театре, в походе, где можно даже сиронизировать по поводу «болезней», где (и это самое главное) рождаются те дружественные нити, которые заставляют человека делать то, чего хочет от него коллектив.

24 декабря 1958 года

Каждый день приносит много нового, а записать не всегда удается.

Мы подходим к концу полугодия. Декабрь прошел, на мой взгляд, хорошо. Срывов не было или почти не было.

Было вот что.

Горбунов и Логинов ушли с завода. Кажется 4-го декабря, перед днем Конституции. Обманули. Сказали, что их отпустил мастер. Опоздали на урок Логинов, Смирнов, Симонов. Колосков нагрубил Лидии Андреевне на утверждение о том, что он плохо воспитан: «Так воспитали!». Титов ничего не знал о Советах рабочих депутатов в революцию 1905-1907 г. И как всегда не подозревал о том, что ничего не знает. Горбунов 24-го изгнан с урока английского языка. У Симонова были рваные локти и не было носового платка (и нет). Меренков ничего не знает по немецкому языку, получает двойку за полугодие. Плохо учится Грачева. Шура Салосин на комитете получил выговор за курение в школе (курил еще в ноябре).

Но было и другое.

Кузнецов делал практическую работу по физике с Восковым. Восков прекрасно учится по физике. Ему поставили 5, а Кузнецову ничего не поставили. Гера Кузнецов пришел к Х.Д. и попросил вечером сделать эту работу самостоятельно, один. И сделал четко, без ошибок. Ему поставили 5.

В классе не прогуливают и не «болеют».

На уроках немецкого языка «потеют» (по выражению Валентины Григорьевны).

На уроке истории – осмысленные глаза и нет ленивых рук (Симонов, Лисицын еще продолжают «скучать»).

Уроки военного дела – сносно. Во всяком случае я не слы-

шу гогота и шума как прежде. В этот час, в среду, у меня урок в 10 «Б», и «мои» ужасно беспокоили своим военным грохотом.

На математике. «Кажется, они входят во вкус задач», – выражение Лидии Андреевны. Правда Смирнов списывал конспект «Уроков московского восстания» на уроке математики. Но это ведь блестяще! Начали списывать. Ведь месяц тому назад и это было делать лень, да и незачем. Ведь никто ничего не делал.

Химия. Молчание. Ек. Ал. не делится со мной, а эмоции выражает в журнале. Представляю выражение её лица при этом.

География. Здесь по-прежнему без сдвигов.

На вечере в субботу 13-го 7 человек слушали музыкальный лекторий «Пушкин в музыке». Единственные из старших.

На вечере в субботу 20-го Логинов впервые в истории класса принёс проигрыватель и танцевал. Это очень много.

Здороваются. Прощаются. Девочки в порядке. Перестали взрослеть на глазах.

Мы кончаем полугодие. Группы совместной подготовки к урокам действуют, но не все. Работает группа Галахова и группа Воскова. Колосков и Логинов так и не сумели ничего сделать. Восков так «болеет» за свою группу, что даже похудел и даже снабжает «своих» шпаргалками. Отлично учится Лобанов. Прогнозы оправдались – он первый вступил в

коммунистическое соревнование. Из его оценок: математика – 5 физика – 5, история – 5, немецкий – 5, химия – не помню. Словом, молодец. Умный парнишка и интересный, сильный. Только вот рисуется, воображает, любит обратить на себя внимание и грубоват. Этакий лихой подмастерье.

Произошло нечто, ошеломившее меня

Сегодня было общее собрание, которое мы посвятили предварительному итогу нашего соревнования. Перед собранием был короткий совет. Решили, что итоги будет подводить Галахов. С самоотчетами выступят Логинов и Салосин. Немного посидела с Галаховым, беседовали о предстоящем докладе. Взяли наши заповеди. Галахов настроен неважно, пессимистически. Он не видит или почти не увидел положительного.

О чем он говорил.

– Нужно хорошо выполнять заповеди.

– «Один – за всех, все – за одного». Кое что есть.

О «бригаде» Воскова:

– Стал шпаргалить и подсказывать членам бригады.

– Логинов не организовал группы. Колосков (ничего о нем, у него болеет мать).

О требовательности:

– В классе так дело поставлено: «Делай что хочешь. Никто не помешает, лишь бы ты не помешал».

О «правде в глаза»:

– Сегодня на собрании увидим, есть ли у нас правда.

О «внимании друг к другу»:

– Мы с Дарьиным внимательны друг к другу и в беде помогаем, а делиться нам нечем.

О дружбе:

– Стало лучше.

– Девочки и мальчики – товарищи, это так, но девочки ещё плохо учатся.

О сквернословии:

– Есть ещё, конечно, не в школе, а вне школы, но есть.

О двойках:

– Меренков получил двойку по немецкому языку. Как он будет «вывёртываться»? Исправить, во что бы то ни стало, ведь мы из-за него не поедem в поход, мы проиграем сражение.

«Учиться так, чтобы принести еще больше пользы своему народу»:

– Чувствуем ли мы народ, общество? Нет, мы не знаем, что такое народ. Мы изредка видим хороших или плохих людей, но понятия о силе народа у нас нет. Предлагаю эту тему сделать беседой одного из наших собраний.

– Задания домашние выполняем, но не творчески а «от сих до сих».

Сознательная дисциплина:

– Есть у нас теперь. Если сравнить с 9-ым классом – небо и земля. Класс стал порядочным, приобрел осанку.

О наших производственных делах:

– Мы старательно овладеваем профессией, но не все. Вот

пример плохой – Горбунов. Плохо у нас со 2ой сменой.

– Нет станка, подождем пока Пушкин придет, – смех, очень дружный смех.

О Колоскове, Горбунове, Логинове:

– Они считают себя по-прежнему самыми культурными людьми. Это они сами думают, а этого что-то не видеть(!). Культура внутренняя обязательно видна снаружи.

О Меренкове:

– Его стоит здесь «пропесочить» так, чтобы он вышел отсюда другим.

О Грачевой:

– Не поняла наших задач и менее внимательна, чем необходимо. Шансы «вытянуть» на «тройки» есть.

О поведении дома:

– Прочитала моя мама этот пункт и говорит: «Вы бы это вычеркнули из ваших заповедей» (не верит в возможности его выполнить).

О Лобанове:

– Взялся за ум, работает в полную силу.

14 января 1959 года

Уже 1959 год. Декабрь кончался очень напряженно, и я не сумела закончить запись о собрании. Продолжу, то что вспомню.

Горбунов возмущен характеристикой Галахова:

– Мы не считаем, что мы самые культурные. Ты нас так можешь оскорбить(!).

Галахов:

– Факты: твое поведение в библиотеке. Поведение на уроке английского языка: «выторговывание» отметок. С урока английского языка выгнали. Поведение Колоскова: грубость Лидии Андреевне. Вам тоже нужно лучше учиться.

На середину выходит Меренков. Класс доволен: что-то сейчас он скажет. Меренков говорит спокойно, размеренно, он ничуть не взволнован, слова подбирает четкие и ясные – в этом есть определенный «шик», бравада.

– Немецкий я не учил весь прошлый год и не сумел наверстать упущенное.

Спрашиваю:

– Почему отказался от помощи Ф.М.?

Нагло:

– По семейным обстоятельствам!

С места кто-то:

– Тебе дороже драм кружок?

Меренков громко и с возмущением:

– Что ты на меня усмехаешься!

Кто-то:

– Почему тебе не дороже честь класса?

Меренков упрямо:

– Я занимался.

Мягче, нежнее:

– Я класс уважаю. Мне неприятно, что я подвел коллектив. Если бы я изучал немецкий язык в том году...

Восков:

– Сколько занимает у тебя времени драмкружок? Да разве это главное? Учиться главное. Нужно было бросить драмкружок. Ты не справляешься и с тем и с другим.

Меренков грубо Воскову:

– Мог бросить драмкружок, но не бросил. Почему ты мне раньше не сказал до собрания...

Идет словесная перепалка. Симпатии на стороне Меренкова. Он почти герой. С задних столов слышатся реплики Симонова, Лисицына... Шумно, бестолково.

У нас на собрании снова Геннадий Павлович. Он спешит. Берет слово. Говорит убедительно, мягко о том, что его неприятно поражает, что в классе есть двойки. Говорит о Меренкове, останавливается на вопросах, затронутых Галаховым. Ребята слушают внимательно. Когда ушел Геннадий Павлович, страсти разгорелись. Ставим два самоотчета. Выступает Шура Салосин. Улыбается от смущения. Явно чувствует себя обнаженным от того, что говорит искренне:

– Пришел я после того собрания, по заповедям. Решил жить по-новому. Но... (улыбается) ничего не получилось.

Затем он уточняет, что у него не получилось.

Я начинаю «закипать»: вижу мальчишка не «в себе», волнуется, а Меренков, Симонов, Лисицын улыбаются ехидно, переговариваются. Им явно противно, что Шурка так разот-

кровенничался.

«Закипаю» и «закипаю», чувствую, сейчас «взорвусь»...

И встаю к столу. Уже покраснела от злости. Говорю резко о самом плохом, о равнодушии. О том, что Шурке никто не желает помочь. О наглости Меренкова, который сегодня не получил должного урока. О том, что мы решили соревноваться «на бумаге». Резко кончаю выступление тем, что формально таким делом заниматься нельзя. Что лучше пойти и взять из сейфа директора наши высокие обязательства. Так будет честнее. А если продолжать – то по-настоящему. То есть помогать друг другу быть настоящим человеком.

Сказала и испугалась. В классе произошло нечто, ошеломившее меня. Встал Симонов и, смотря в сторону, сказал, что с соревнованием у нас не получается и что «пора кончать», что «это трудно». Чувствую, что Симонова поддерживают, по глазам вижу, по улыбкам облегчения, по репликам.

Ну, думаю, крах, всё кончено. Председатель собрания собирается голосовать... Десятки мыслей пролетают, хочется еще выступить, сказать, что это для нас очень важно, соревноваться во что бы то ни стало! Но не встаю, не говорю, молчу и жду. Только бы оттянули голосование... Напряженные минуты. Внутренне ругаю себя за опрометчивость, за резкость. Ведь знала, что нет тыла. Зачем предложила опасную дилемму. И вот просит слово Л.Лобанов. Он начинает размеренно и твердо:

– Представим себе, что машинист однажды взялся дове-

сти до определенного пункта тяжелый состав. И вот на одном из подъемов ему стало тяжело, неважно... Что делать? Остановить состав на подъеме нельзя, он поползет вниз – это катастрофа. Можно по селектору попросить облегчить состав, но тогда сорвется режим движения, и где-то не получат необходимого груза. А не лучше ли превозмочь усталость и довести состав до конца?

Класс притих, все сосредоточенно смотрят на Лобанова. А он продолжает.

– На прошлом собрании, где мы утверждали заповеди, я вел себя реакционно. А пришел домой, поразмыслил и решил попробовать! У нас наметился явный подъем, нам тяжело. Остановиться – значит поползти назад к безобразным событиям 9-го класса.

В классе благоприятная, одобряющая тишина. Лобанов говорит о подъеме среди молодежи страны.

– А мы будем плестись в хвосте? А что скажут в школе? Бахвалились, вызвали соревноваться 9-ые классы, а сами – в кусты?

– Нет, – заявляет он непреклонно, – соревноваться надо!

Трудно передать мое состояние. Я счастлива и чуть не плачу от радости. За много лет работы в школе я ни разу не слышала такого нужного и верного выступления,

такого политически отточенного и простого по мысли и чувству.

Класс, по-моему, вздохнул (или мне это показалось), и Горбунов в своей артистической манере выразил благодарность Лобанову. Голосование было снято, оно показалось мелким и смешным. Голосовать жить или умереть – смешно! Глупо!

Есть, продолжать трудное дело!

Конечно, я не выдержала и, заключая, назвала выступление Лобанова большевистским.

Долго не могла уйти домой. Всё крутилась вокруг Валентины Григорьевны. Всё говорила, говорила ей. И столько нашлось для «моих» хороших слов, уйма. Словом, я была на «седьмом небе». И все вокруг радовались и улыбались: и директор и завуч и учителя...

Здесь я пока остановлюсь. Дальше писать трудно. Во-первых, сейчас второй час ночи, а во-вторых, события последние не для радостного пера. Нужно ещё чуть-чуть отодвинуться от них, посмотреть «издали».

Вы – наша смена

15 января 1959 года

Пишу на заводе. Обошла цеха. Сижу в заводском классе. Сейчас должны начаться теоретические занятия. Почти все пришли. «Могучая кучка» «режется» в домино, делают вид, что меня не замечают.

В цехах.

Божинский Пётр – на токарно-винторезном станке. Ему дает характеристику зам. нач. цеха т. Амелин (Мы знакомы, его дети были со мной в лагере). Он говорит о Пете как об аккуратном рабочем, который чётко и самостоятельно выполняет задания цеха. Говорит о его вежливости. Сам Петя у станка выглядит довольно уверенным, а в классе у него постоянно недоумевающие глаза и (простит он меня) несколько глуповатый вид.

Лида Иванова работает на 2-х станках: на долбёжном и фрезерном. Ею руководит рабочий Волчков. С ним не пришлось встретиться – он во второй смене. Ей дают очень положительную характеристику. Она и сама гордо вскидывает голову и говорит, что работу знает и любит и о том, сколько минут обрабатывается деталь... На ней чистый выцветший

халат и косыночка. Она совсем не похожа на ученицу – молодая рабочая, уверенная и гордая, чувствующая свою плакатную неотразимость.

В отделе технического контроля работает Марина Тужилкова. Я увидела ее внимательно слушающей соседку Марию Фёдоровну Калининцеву. Соседка учила девочку, хоть официально она совсем не обязана это делать. Марина с улыбкой объясняет: «Здесь кого не спросишь – всякий объяснит». Нина Ивановна инструктирует Марину постоянно. Она говорит, что Марина «послушная девочка», «усидчивая». «Если возьмётся – сделает!» Очень приятно слушать такое, даже если это немного и преувеличено.

Очень интересно о Жене Симонове. Он работает на револьверном станке – занимается сверловкой и зенковкой.

Рассказывал начальник бюро технического контроля Иван Андреевич Крутицкий. Он 31 год работает на производстве, знает технологию, читает чертежи, знает инструмент.

Иван Андреевич говорит о Симонове не совсем лестно. Поляков, Макаревич из 11го класса ему больше нравятся. «Неплохой парнишка», но малоинициативный. Надо прийти до начала работы, зайти в кладовую к планировщику, заявить, что пришел, взять технологию, наряд, инструмент и приступить к работе. Часто бывает и так, что не придёт, не заявит, нет работы – и не надо. В прошлом году Симонов обучался у токаря высокой квалификации Федотова, рабо-

тал прекрасно. В этом году – «не то». Не берут марки. Почему? Взять марки – значит взять инструмент, а значит отвечать за него. Ребята эти не чувствуют производства, не интересуются порядками на производстве. Почему тумбочка пустует? Нужно взять замок и держать там инструмент, как это делают Макаревич, Кузьменко, Донченко. Женя Симонов жалуется, что у него одна и та же работа.

– Но на другой работе вы делаете брак, – парирует мастер.

О Косте Меренкове еще определенной и хуже. Тот же разговор о «марках» и «тумбочках», но и такое: «приходит, шатается по цеху», «в девять придут и в курилку!». «А ведь мы на вас рассчитываем. Не придет к планировщику – мастер увидит: станок пустует, надо перестраиваться, а у ребят нет работы». «Ухарское отношение».

Встретилась с рабочими, которые обучали Меренкова и Симонова. Чуриков Леонид Николаевич – токарь 5-го разряда, и Федотов – токарь 7-го разряда. Федотов рассказал очень интересную штуку. О том, что вчера Женя Симонов был у него в гостях – «фотографировал моих детей». Когда-то он его попросил об этом и забыл, потому что в этом году он и не обучал Женю, и мальчишка вспомнил и вчера удивил токаря своим вниманием и любезностью. Токарь сказал, что учительнице его дочери-первоклассницы понадобился для детского праздника баянист, но Жене об этом сказал токарь много позднее, и Женя сказал, что он обязательно бы сыграл для дочки своего бывшего учителя-рабочего. Очень хорошо

рассказывал молодой рабочий о своем ученике, с удивлением и большой нежностью, будто о родном. «Женя все хочет делать сам».

В одном из цехов меня подвели к станку, за которым работает Галахов Володя. Володя стесняется. Рядом с ним его инструктор – Павел Иванович Барышев. Аккуратный, подтянутый, с быстрыми глазами и открытой улыбкой. Доволен своим учеником: «Серьезный, внимательный, ответственный» и т.д.

– Как идет обучение? – спрашиваю Барышева.

– Теперь в основном я занимаюсь только наладкой. Налажу – ухожу: у меня станок рядом. А сейчас убедился, что мой ученик способен на полную самостоятельность.

– Мы дружим с Володей, – говорит Барышев, – я учусь в техникуме, и Володя помогает мне в решении задач. Словом, по учебе я обращаюсь к нему.

– А как Толя Смирнов?

Барышев уклончиво, с улыбкой отвечает:

– Живой парнишка...

Короткая беседа с Черкалиным Ильей Александровичем – начальником бюро труда и зарплаты одного из цехов, в котором работают Смирнов, Галахов, Колосков, Восков.

Точная фраза: «Они у нас просто как удачные, вполне серьезные и ответственные». Он организует, контролирует производственное обучение в цехе. Барышев – председатель цехового профсоюзного комитета.

На теоретических занятиях «Технология корпусных деталей» читает квалифицированный инженер Чубарь. Опоздали: Колосков, Горбунов, Тужилкова, Кочерыгина (30 мин.). Говорят, что опаздывают впервые.

Понравилась одна деталь. Инженер, говоря о каких-то непонятных мне деталях, сказал, что один из цехов «буквально каждый месяц решает этот вопрос. Ищут виновных. Литейщики кивают на рабочих. Рабочие-токари показывают на литейщиков. А ведь здесь сказывается элементарная неграмотность. Вот вы – наша смена, грамотное пополнение рабочего класса – не допустите таких ошибок...» (оживление в классе).

Моему возмущению нет конца

15 февраля 1959 года

Вот запись от 3-го января (Записываю 15 февраля. Вернее переписываю со своих листочков).

Станция Турист.

Мы в походе. Нас 14 человек. Не пошли шестеро. Очень боялась «выхода». Хотелось отоспаться в каникулы, почитать, побездельничать, но я обещала поехать и не могла не сдержать слова.

Два дня живем в хате, на краю деревни. В хате тепло, свободно. Ребята в приличном настроении. Кругом чудесная зима, просторы и тишина... Ребята с удовольствием катаются на лыжах, промокают, устают и приобретают катастрофический аппетит.

Я уже устала, а ведь поход только начался. На лыжи еще не становилась – некогда. Хозяйство одолело. Варю пищу. Хоть помощников и много, а порядка маловато.

Несколько неприятных и приятных наблюдений. Вчера 2-го января. Едем. За плечами – тяжелые рюкзаки, в пальто, жарко, снег липнет. Петя Божинский везет тяжело нагруженные санки. Они то и дело заваливаются в снег. Удержать их

очень трудно. Рядом лихо проезжает на лыжах Лобанов. Он возбужден – это его первый «выход». Когда Лобанов поравнялся с Петей и увидел, как тот выбивается из сил, он радулыбался и весело спросил:

– Кряхтишь? Ну, давай, давай!..

Это возмутило. Но по дороге я ничего не сказала. Высказалась только сегодня.

Вечером. Укладываются. Каждый старается выбрать место поудобнее, потеплее. Один Восков спокойно ждет, когда все улягутся, чтобы и ему нашлось место где-нибудь. Ждет слишком спокойно. Даже несколько демонстративно, будто укоряя всех за корысть и эгоизм.

Дежурство приходится «толкать». Колосков и Горбунов фактически 2-го не дежурили. Только вечером заставила их мыть посуду после ужина. Сегодня взорвалась. Пришлось много поработать с печкой, с самоваром, с керосинкой. Нужно было вычистить ведро картошки. Попросила девочек. Отозвался Галахов... Девочки невозмутимо продолжали играть в домино, потом пошли гулять. Рассердилась. После ужина «выговаривала». Ни Марина, ни Наташа работать не любят. Избалованы, а в классе вряд ли они чему-нибудь научатся. Горбунов бегают за ними по пятам. Колосков делает то же самое, только с грубоватой маскировкой. Их лень и безделье вполне оправдывают Восков и Логинов, остальные – не реагируют. Лобанов работает неплохо, но в нём очень развито индивидуальное начало:

– Эх, завтра будут работать другие дежурные, ну и погуляю же я завтра!

Снова, как и прежде, я на линии огня...

4 января.

Самое неприятное в этом коллективе:

1) отсутствие домашнего воспитания;

2) маловато чувства меры;

3) взрослых, учителя, классного руководителя они абсолютно не стесняются.

В хате стало грязно. Валяются вещи. Заставляю подбирать, сушить, вешать на вешалки. За столом невероятно шумно, сыпятся «остроты», которые раздражают своей пошловатой простотой и обилием. Скучно. Тесно. Грязно. «Группочки» в походе не только не исчезли, но явно открыстализовались: Лобанов, Смирнов, Лисицын, Симонов, Салосин и Горбунов, Колосков, Логинов, Восков плюс девочки. Галахов один. Жалуется, что его преследуют неудачи, резонирует. В походе категорически неприятен. Вносит какую-то тягучую скуку. Много без удовольствия ест и ходит одичало на лыжах в темноте. Слоняется на горах, одолевая сложный «слалом». Тяжело.

Лобанов матерно ругался, и Наташа Кочерыгина пришла возмущенная, жаловалась. На требование извиниться и прекратить ругательства оправдывался:

– Я не на нее ругался, а просто. В лесу это было. Я в «атмосферу»...

Галахов был рядом и не остановил. Симонов оправдывает Лобанова:

– Мы все ругаемся. Мы слышим постоянно ругань. И от этого отвыкнуть чрезвычайно трудно. Да и зачем?

Моему возмущению нет конца. Ругань как случайность я допускаю, но такое циничное оправдание доводит до бешенства. Ругань – норма, явление неизбежное, которое должно сопровождать нашу жизнь.

Идет собрание. Я доказываю. Мне доказывают. Грубо. Без стеснения. У Лобанова много «защитников». И он восклицает в результате «прений»:

– Мы сюда приехали отдохнуть, а не воспитываться!

И точка. Собрание окончено. В «кулуарах» продолжается «перепалка». Восков окончательно ссорится с Лобановым. Салосин переходит на сторону Воскова и других. Это возмущает Смирнова. Скандал. Грубости.

Так проходили дни...

Мы не совсем точно подсчитали наши материальные возможности, и сейчас я тщетно пытаюсь сводить концы с концами. Может быть, это ложная тревога, но в деньгах мы явно стеснены. Ребята находятся много на воздухе и вечно голодны, и никто не стесняется высказывать эти необходимости. А я очень волнуюсь и снова мысленно считаю и прикидываю, раскладываю, меняю, экономлю и т.д. Очень тяжело и тоскливо.

Если бы меня спросили, жалею ли я об этой зимней по-

езде, я, не задумываясь, сказала бы, что жалею. Очень. По-видимому, вопросами воспитания в 10-ом классе заниматься почти невозможно. Дело может ограничиться только простой задачей – заставить их стесняться в моем присутствии. Привычки, навыки уже созданы до меня, а с ломкой ничего у меня не получается.

15 февраля 1959 года

Вместо своих записей привожу текст заметки в газету Шуры Салосина (без правки).

«В конце ноября 1958 года наш класс решил жить и учиться по-коммунистически. Этому решению предшествовали большие споры, было много сомнений, сумеем ли мы претворить в жизнь наши решения. На классном собрании мы обсудили наши заповеди, наметили свои обязательства. На этом собрании весь класс был разбит на группы совместной подготовки уроков. С этого собрания ребята ушли с верой в свои силы, что они сумеют выполнить заповеди. И потекли дни...

Вскоре последовали и первые успехи, и первые неудачи. Некоторые ребята не хотели заниматься в группах. Правда, их было несколько человек, но все же радость первых успехов была омрачена. Лобанов заявил, что он не может готовить уроки вместе с ребятами. Смирнов, Титов и Дарьин находили всегда всяческие отговорки.

Остальные ребята успешно занимались в группах. Занимаясь, лучшие узнавали друг друга. Класс сразу рванулся вперед. Весь декабрь прошел в упорной и трудной борьбе за выполнение заповедей.

Но вот в конце декабря появилась первая трещина. Часть ребят после первого порыва остыли, стали уже безразличными ко всем событиям. Над некоторыми висела угроза четвертной двойки. И снова начались споры: нужно ли продолжать соревнование, не лучше ли бросить всё. Споры продолжались до выступления Лобанова, который убедил всех колеблющихся в необходимости продолжать соревнование. Опять в классе установился мир и согласие.

Первое полугодие было закончено успешно. Ничто в классе не предвещало бури. Но буря разразилась...

Зимние каникулы мы проводили в деревне. И там произошел первый этап разрыва. Часть ребят не захотели мириться с теми порядками, которые царили там. Произошел скандал, а вместе с ним и разрыв. Класс раскололся на две группы, разные по своим интересам. Разрыв усилился дракой, которая произошла в первые дни после каникул. Двое наших ребят Смирнов и Лобанов «посчитались» с Восковым, за то что он открыто выступал против их поведения. Все в классе пошло насамарку. Класс начал катиться вниз по учебе и по своим культурным делам. Появились двойки. Была сорвана работа на строительстве. Группы развалились. С горечью приходится признавать, что коммунистическое со-

ревнование в нашем классе провалилось и что в провале виноваты все члены нашего класса.»

Пора утвердить какую-то наиболее целесообразную линию педагогического поведения

25 февраля 1959 года

Я делаю что-то не то и вообще мало что делаю. Все ограничивается пока переживаниями по поводу того, что класс плохой. Иногда эти переживания становятся нестерпимыми, и тогда я бешусь и плачу, иногда – ничего, сносно бывает... Это очень неверно, и пора утвердить какую-то наиболее целесообразную линию педагогического поведения.

Всё, что во мне неверно, я, пожалуй, уже поняла. Прежде всего, я подошла к классу как к «бывшему» 10 классу «В», выпущенному в прошлом учебном году. Подошла с теми же требованиями, с теми же «нюансами», хоть коллективы совершенно разные. Это ошибка. Нынешний 10 класс «А» имеет качественные различия – это производственный класс. Два дня они на заводе, у станков. Иные уже пользуются полной самостоятельностью – выпускают продукцию. Поэтому кроме возрастного болезненного самолюбия и переоценки ценностей, кроме острого чувства собственного до-

стоинства и нежелания позволять взрослым «притрагиваться» к своим душам, у них есть «гордость производственников, умение ладить» со станком, знание техники.

А мы, учителя, не умеем, не знаем того, что умеют и знают наши учащиеся.

Они, далее, общаются на заводе с людьми, которые чаще всего обращаются с ними как с равными, а мы, учителя, «выговариваем», «нудим» по поводу пуговиц, воротничка, прически, двойки, прогула, грубости и т.д., и т.п. – все что мы делали 100 лет назад, пять лет назад и ни шагу вперед...

Но что делать? Каким должен быть классный руководитель производственного класса – я не знаю. То есть я уверена, что нормы столетней давности необходимы и сейчас. Что педагогика Ушинского и Песталоцци, Макаренко и Добролюбова – великая педагогика. Но кто подскажет мне её диалектику, что делать с ней сейчас, сегодня?

Недавно был скандал с Лобановым. Снова. Кончился он «мировой». Я поставила этого довольно сложного юношу в очень тесные рамки своих требований, и он вынужден был

извиняться и говорить о своем несносном характере. Мне всегда мало доставляют радости такие минуты. Мальчик извиняется, обещает, он думает, что так никогда не будет, что он может резко, сегодня, изменить свой характер. Мне нужно быть очень внимательной к нему, очень чуткой, не заметить срыва. А он будет, этот срыв. Нужно, нужно, но не всегда возможно.

Разговор по душам с Лобановым кончился очень хорошо. Мы оба решили «попробовать» не допускать больше ссор. Ходит он «шелковым» эти дни. Но почему-то мне не по себе. Самое ведь важное не допустить первой ссоры, как в семейной жизни.

Завтра иду на завод.

Зачем? Какова моя задача? Попробую сформулировать ее для себя.

А) Увидеть у станков тех, кого не видела:

Спросить, что каждого из них волнует, об их претензиях.

Смирнова, Лобанова, Логинова, Колоскова, Воскова, Кузнецова, девочек.

Поговорить о них с мастерами, с руководителями, с рабочими.

Б) Еще раз узнать о «плохих»:

Симонове, Дарьине, Меренкове.

В) Договориться о концерте самодеятельности для рабо-

чих, хорошо бы в день 8 марта для женщин.

Г) Зайти в комитет ВЛКСМ завода:

а) история комсомольской организации завода,

б) встреча с бригадами коммунистического труда.

Пожалуй все. Позвонить в институт теории и истории Розиной.

На заводе была в той же смене, что и в первый свой приход. Это неудача. Но и не так уж плохо. Увидела, как Петя Божинский по чертежу самостоятельно вытачивал шайбы. Изредка его консультирует молодой рабочий Блинов.

– Он на доске почета! – с гордостью представил своего консультанта Петя.

Абрам Семенович в производственную характеристику П.Божинского включает фразу о том, что он «несмелый». Как это получше разъяснить мальчику?

Костю Меренкова встретила за другим станком. Ему дали учителя – рабочего. Цапкин Федор Алексеевич. Вернее, встреча произошла не у станка. Он только подходил к работе.

– Почему ходишь?

– Устал, – ответил Меренков с улыбкой.

Собственная лень вызывает у самого улыбку. Федор Алексеевич говорит о нем не плохо, но и не очень хорошо.

Дарьин на вопрос о том, какие у него есть претензии, го-

ворит:

– Посложнее бы работу, а то скучно...

Говорила с зам. нач. цеха о Дарьине, предала его просьбу, попросила за него. Обещал немного усложнить задания.

У новенького станка выпуска 58 года Нина Пушкова. Она обучается фактически первый год. Рядом с ней – мастер-токарь 7-го разряда Василий Николаевич Тряскин. Это, по-видимому, очень веселый, жизнерадостный человек, любящий свое дело. Это он, любовно поглаживая станок, указал мне на его марку и дату выпуска. Будто хотел сказать, что на таком станке можно любого человека сделать мастером. Он уже обучил шестерых учащихся нашей школы, а Нина у него седьмая ученица. И он уверен, что она будет хорошей ученицей. Нина доверчиво улыбается. Разговор со мной окончен, и веселый мастер сразу приобретает строгий вид, подзывает Нину к себе и кладет руку на станину – начинается объяснение.

Галахов очень недоволен. Ему не по себе.

Он сегодня делает тонкие сверла. Работа простая, однообразная, не требующая мысли. Подходит Барышев, его учитель, и объясняет, что сверла необходимы «до-зарезу», что действительно неинтересно, но ведь надо выходить из прорыва. Галахов молчит. Работает. Понял ли он это «до-зарезу» или снова и здесь считает себя неудачником.

Абрам Семёнович сказал, что «самый смелый» на заводе Смирнов Анатолий. Барышев вносит поправки: Смирнов

смел, имеет большую отдачу, то есть большую производительность, но это ещё не главное. Та работа, которая требует внимания, не всегда получается у Смирнова. Он может «загнать» несколько штук (по-видимому, допустить брак). Работа, над которой нужно думать, не всегда радует Смирнова. Галахов – прямая противоположность Смирнову.

С Барышевым договорились о совместном вечере класса и цеха, о самодеятельном концерте. Цех большой, чистый, красивый, и рабочие в нем – высокой квалификации. Они делают инструмент для всего завода.

Беседа с зам. секретаря комитета ВЛКСМ завода шла на ходу, и необходимо более обстоятельно договориться обо всем.

28 февраля 1959 года

На уроке немецкого языка.

Нет: Лобанова, Меренкова, Салосина, Божинского, Смирнова. Божинский и Салосин больны, а остальные?

Кузнецов ужасно отвечает, очень плохо знает.

Иванова у доски. Ничего. Сносно. Посредственно. 3.

Симонов у доски. Посредственно.

Лисицын читал и переводил. Слабо. Посредственно.

Учительница внимательна, но недовольна ребятами и скучна, её можно понять.

Некоторые мысли А.С. Макаренко:

«наша революция имеет свои великие книги, но еще больше у нее великих дел. Книги и дела нашей революции – это уже созданная педагогика нового человека. В каждой мысли, в каждом движении, в каждом дыхании нашей жизни звучит слава нового гражданина мира. Разве можно не услышать этого звучания, разве можно не знать, как мы должны воспитывать наших детей?»

«Книга для родителей»

Законы воспитания вытекают из законов всей советской жизни.

«Истинная логика педагогического средства и системы средств заключается... в широкой общественной жизни Советского Союза, в области тех принципов и традиций, которые уже совершенно ясно отличают наше общество от всякого другого».

Какие традиции нашей жизни вы знаете? (Не обижаться на критику, учиться у передовых, помогать товарищам, подчинять личные интересы коллективу)

Макаренко показывает, как реальные условия и потребности развития советского общества определяют, диктуют путь и содержание воспитания нашей молодежи.

Не всякий труд является средством коммунистического воспитания.

«Воспитательным средством может быть такой труд, который организован определенным образом, с определенной целью, труд как часть всего воспитательного процесса.»

Макаренко доказывает, что труд без идущего рядом образования, политического и общественного воспитания не оказывает должного воздействия на воспитанников.

«... только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан...»

«Когда вы видите перед собой воспитанника – мальчика или девочку, вы должны уметь проектировать большие, чем

кажется для глаза. И это всегда правильно... Педагог в своем воспитательном деле должен брать далеко вперед, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам, может быть, этот человек и не заслуживает уважения»

«Искренние отношения... такие, которые ничего не преувеличивают и не преуменьшают. Когда не обманывают друг друга, когда есть уважение к себе и другому, тогда отношения будут здоровые...

...Если есть забота о жизни и счастье другого, – такие отношения всегда будут прекрасны».

«Процесс обучения в школе и производство продукции крепко определяют личность».

«Труд детей на производстве открывает многие воспитательные пути».

«Разделение труда нам необходимо» – это работа на коллектив.

«... воспитательный процесс совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей Земли...»

«Воспитательная работа руководит всей жизнью ученика».

«Чем ярче, определеннее право требования, тем менее приходится требовать, тем естественнее возникает общий стиль».

...не бояться что «личность запищит».

«Стили детского коллектива:

возбужденный, наглый, крикливый, страдающий, пониженный, пессимистический, мажорный».

«Стиль создается очень медленно, потому что он не мыслим без накопления традиций».

«Достойной нашей эпохи и нашей революции организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность...

... Мы должны хорошо понять положение нового человека в новом обществе. Социалистическое общество основано на принципе коллективности. В нем не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива...

...Школьный коллектив – ячейка советского детского общества... Воспитывая отдельную личность, мы должны

думать о воспитании всего коллектива... В каждый момент нашего воздействия на личность это воздействие обязательно должно быть и воздействием на коллектив.»

«О коллективе» стр.77. А.С. Макаренко. Трудрезервиздат 1951 г.

3 апреля 1959 года

Читаю Макаренко. Здорово! Хочу писать о «своих». Хоть до этого педагога мне и не дошагать, но я всей душой согласна с этим умным человеком. И некоторые положения, утверждения, мысли и методы очень близки, понятны и просты, до них можно добраться интуитивно. Но интуиция в педагогике не даёт ещё полной победы. Надо еще что-то кроме.

Мечтаю о качественном скачке

10 мая 1959 года

Очень долго не писала. Все было недосуг. А событий в классе было очень много.

Начну по порядку. Хочется восстановить жизнь шаг за шагом. В марте кончилась третья четверть. Я попросила дирекцию и учителей аттестовать класс (я считаю совершенно неверным то, что в нашей школе решили проводить аттестацию два раза в год). В конце четверти началась беготня и волнения. Меренков, Кузнецов, Горбунов, Грачева, Логинов начали сновать по лестницам, догоняя учителей. Неудачной осталась Грачева и Логинов. Правда, двойка Логинова была мало оправдана формально, так как это была единственная отметка в журнале. Без троек окончил только Галахов, у Лобанова тройка по математике. В общем итоги оказались более или менее сносными. По сравнению с другими классами – даже отличными. Настроение было хорошее. Мы решили в каникулы отправиться в поход. Была путевка в ДЮТ.

В походе. Было человек 16-17, не помню. Весенний день. 25 марта. Уже проталины вокруг стволов деревьев. Солнце

разъярилось, и ребята разделись до маек, катались как мастера налегке. Как всегда мне не понравилась группа. Вечером кричал патефон, все танцевали, кое-кто играл в карты (карты привезли ребята из другой школы, наши соседи). Внутренне я страшно возмущалась и попросила прекратить эту игру (которая, на мой взгляд, немыслима в детском коллективе). Кажется, прекратили, но неохотно, недоумевая, почему я так резко настроена против карт, – очередной психоз! Меренков носился по дому и громко произносил плоские остроты. Он и развязен парень. Попросила через М.Тужилкову, чтобы он прекратил крик. Перед Мариной он еще долго куражился и прекратил все только после тихой и внушительной моей тирады. Горбунов, Колосков, Восков катались одни, опоздали к обеду, а потом ушли. Уезжали без них. Словом, ничего нового. Товарищества нет. Мне подчиняются со скрипом, без радости, без шуток, без охоты. Девочки беспомощны и малоинициативны, грубоваты, не женственны, подлаживаются под общий грубоватый тон.

Были на художественной выставке в Манеже. Без меня. Остались довольны. И я довольна. Была с ними в Музее изобразительных искусств. Осмотрели искусство больших мастеров Рембранда, Ван Гога, Гойи, Рубенса. Интересы не вызвали эти полотна, может быть, оттого, что я мало разбираюсь в живописи и не могла их заинтересовать. Более оживленно прошел осмотр рисунка и живописи Новозеландцев (там же). Очень устали.

Обратно шли пешком до площади, проходили набережной Москвы, пели, тепло беседовали. Остановились у Мавзолея, подождали музыки Курантов. Все было хорошо за исключением одного неприятного ощущения. Я убедилась, что Симонов на этой прогулке за моей спиной курил. Было страшно повернуть голову назад и уличить его в этом – не хотелось портить прогулку.

(Нарушаю хронологию)

На 8-ое марта они меня любезно поздравили и сделали очень изящный подарок. Что это? Традиция? Ложная необходимость быть в этот день внимательными и нежными? Или истинные признания? Так это и осталось невыясненным. Только помню было в тот день очень хорошо. Чувствовала себя заслуженно обласканной, очень размякла. Получила много писем с радужными открытками внутри, телеграммы. Одну – от бабушки Пети Божинского: «СЕРАФИМА ГРИГОРЬЕВНА ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС ЖЕНСКИМ ПРАЗДНИКОМ МОЕ ПОЖЕЛАНИЕ ЧТОБЫ НАВСЕГДА ОСТАЛИСЬ ТАКОЙ КАКОЙ Я ВАС ЧУВСТВУЮ С ЧУТКОЙ ДУШОЙ И ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ = БОЖИНСКИЕ».

«Бывшие» пришли с шоколадом, с поцелуями, очень родные, милые...

Как нужны учителю внимание и ласка! Да, по-види-

мому, как и всем людям: маленьким, взрослым, счастливым и несчастным.

Всем родителям – мамам и бабушкам – мы от Совета класса послали открытки со смешными рисунками. Поздравляли, желали здоровья, радостей от их детей, мира и лада в семье. Это важно для классного руководителя – мир дома.

Еще раз была на заводе. Утром. Стояла у проходной, интересовалась, опаздывают ли (очень уж жаловался Абрам Семенович). Опоздала в первую смену только Н.Пушкова (она очень далеко живет). Говорила с мастерами. Они вечно довольны. Даже о Горбунове и Логинове, очень на мой взгляд поверхностных учащихся, и то хорошо отзывались. Относительно разрядов спешить не хотят, трудно здесь что-либо возразить мастерам. Кому эта спешка нужна.

Достала билеты в Большой театр на балет «Бахчисарайский фонтан». Очень обрадовалась сама и обрадовала ребят. Спектакль мне понравился, но не до восторга. В фойе беседовали о музыке спектакля, о балеринах, о костюмах. Не всех увлекал этот разговор. Кузнецов Гера в антракте предпочитал говорить об Ивакине и Родинском – великих мастерах мяча, об удачном голе, и кто как «стоял». Это было очень обидно: в чудесном Большом слушать такие разговоры, снова ощущать нелепость и тщету переживаний своих довольно

взрослых воспитанников.

В работе с учащимися я когда-то большое внимание уделяла эстетическому воспитанию. Этому в свое время меня учил Б.И.Леонтьев. Более замечательного педагога-современника я не знала. Он всегда говорил, что эстетическое воспитание – не самоцель. Эстетика должна воспитывать ряд замечательных душевных качеств у наших школьников. Красота должна вызывать хорошие мысли у ребят, наслаждение природой. Они должны уметь ощущение красоты и гармонии переносить на отношения к товарищам, к труду. Это уже воспитание высшего порядка, можно назвать его морально-эстетическим воспитанием. От этого зависит широта взглядов наших ребят, разносторонность мысли, образность восприятия и воспитание уважения, внимания, великодушия, чувства достоинства и других качеств. А.М.Горький говорил, что душевные качества воспитываются путем тренировки как и физические качества, как мускулы.

М.Пришвин, отвечая своим биографам, которые писали, что у него будто бы есть особый «глаз» на природу, говорил, что в воспитании самых возвышенных чувств лежит работа. «“Глаз” на природу, то есть наблюдательность, сосредоточенность, внимание я воспитывал в себе долго и упорно», – говорил Пришвин.

На секрет, что наши учащиеся порой равнодушно проходят мимо красоты, не обращая на нее никакого внимания.

Восход солнца, лунная дорожка на глади озера, красивая

группа деревьев, прекрасная картина в музее, изумительное сочетание музыки, красок, танца в театре –

задача учителя показать красоту и силу природы и искусства, жизни и красоту труда. Если учащийся не замечает их, стараться обратить его внимание, вызвать эстетическое восприятие. Иногда руководитель должен заранее провести разведку, наметить места, точки, позиции, чтобы ребята увидели, ощутили красивое.

Слаженность, мощь, сочетание работы человека с машиной, целесообразность организации рабочего места – это тоже исходные позиции эстетического воспитания. В этом же свете важно открывать перед детьми картины будущего, вызывать к действию их мечту и фантазию.

Очевидно, что и сам руководитель должен быть эстетически выразителен (совершенно согласна с этим требованием А.С. Макаренко). И жизнь в любом коллективе должна быть подтянутой, четкой. Эстетика коллектива – великая вещь. Все это ясно. Но как добиться этого? Только накоплением прогулок, походов и бесед такого не добьешься. Не могу се-

бе отказать в упорстве и внимании к мелочам. Может быть, я в некоторых вопросах слишком прямолинейна и не всегда последовательна. Может быть, я игнорирую фактор времени и мечтаю о качественном скачке (ведь мне передали десятиклассников)...

По системе «от противного»

В апреле было несколько событий, которые по своему спланировали коллектив.

По дороге в Большой театр Е.Симонова задела машина. Было это вечером, мальчик спешил. Его отвезли в институт Склифасовского. Это очень всех растревожило. Ходила с ребятами к его маме, расспросили подробности. Потом ездили в больницу, писали письма. В ближайшее же воскресенье (это было в среду, число не помню) гурьбой отправились навещать Женю. Собрали денег, долго спорили, что ему купить, да что он любит, что ему полезно, а что вредно. Было нас человек двенадцать. Наконец всё было готово, пришли и сунули носы в окошечко регистратуры. «Он уже выписан!» – лаконичный ответ и обрадовал нас, и немного, совсем немного, огорчил. Хотелось тотчас его увидеть. Так гурьбой, с вкусными яствами, поехали к нему домой. Встретил он нас не очень любезно. Мама еле разыскала его во дворе, он уже гулял. В комнате было душно. Нас слишком много для небольшой комнатухи с двумя кроватями, диванами и шкафами. Разговор не клеился, может быть, от тесноты, а может быть, от того, что несколько странным казалась такая уж внимательность к товарищу. Женя выглядел гостем во всей этой компании и смущенно молчал. Словом, не очень-то важно все выглядело.

Вдруг, да, это было неожиданно, страшно и непоправимо, Володя Колосков во всю свою длину грохнулся на пол без чувств... Началась суматоха, начали приводить его в чувство. Он расшиб лицо, и мы отвели его домой, близко – напротив. Испуганные лица девочек, запах нашатыря... Дома – недоумение и тревога на лице Прасковьи Петровны – его матери, учительницы нашей школы. Володя лежал в больнице дней десять, и непрерывные визиты к нему, и нежные письма, и передачи стали основным содержанием нашей массовой работы. Я просто обожала этого больного мальчика (хоть накануне и спорила с П.П. и даже кричала, что сын никуда не годен, что он высокомерен и нескромен, что он грубит и не ведет конспектов по истории). Класс казался мне прекрасным, и я без труда вызвала у ребят необходимость быть внимательными и великодушными. Володя писал из больницы: «Дорогая Серафима Григорьевна! Еще раз прошу извинить за то, что напугал Вас и ребят (не знаю, были ли они напуганы). Как это ни странно, но я тоже, лежа здесь, размяк, раздобрел или, как бы сказал Базаров, «рассыропился». Я вдруг стал любвеобильным, и весь класс стоит перед глазами в бело-розовом свете. Все-то в моем воображении стали ангелочками... Вот как на некоторых влияет падение. Большое спасибо за теплую заботу и удобоперевариваемую еду. Большой привет всему классу... – Володя...»

Я не могу описать радости тех дней.

Я так упорно добивалась высокого товарищества, гуманности от этих жестких ребят. И мне показалось в тот момент, что найдено искомое: вот эта взаимная симпатия друг к другу в классе, доверие, вера в благожелательность каждого поступка.

До этих дней, до того как нас постигли эти неприятности, я постоянно ощущала настороженность и злую иронию по отношению их друг к другу. Естественно, я преувеличила победу.

11 мая 1959 года

Снова пытаюсь восстановить события. Было общешкольное собрание комсомольцев. Были все кроме Титова и Логинова. Собрание было очень оживленным, активным и даже боевым. От нас выступил Восков. После собрания короткая беседа с ребятами и решение «пропесочить» Логинова и Грачеву, добиться Знамени. Галахов сказал, что он и не предполагал, что больше всего шансов на знамя у нашего класса: «Я думал, что мы на последнем месте, а выходит на-

оборот...». Потом гурьбой домой, проводы меня до автобуса, улыбки при прощании. Разговоры и на собрании и после собрания были деловыми и «жизнь прекрасна!».

Затем было комсомольское собрание класса. Хуже трудно и придумать. Лида Иванова отчитывалась. И хоть я предварительно разговаривала с девочкой, ничего не помогло. Отчет Лида сделала очень короткий, никого толком не покритиковала, о многом умолчала, потому что «это все знают». И вообще это был не отчет, а нечто короткое и невразумительное. Обсуждение комсомольских дел шло вяло, говорить «вроде нечего». Слегка досталось Логинову и больше, пожалуй, и никому. Главное было впереди.

Нужно было выбрать бюро комсомольской организации. И хоть нам оно и не положено по уставу, решили все-таки выбирать. Одному секретарю неважно. Даже собрания не подготовишь. Да и классному руководителю трудно.

И вот на вопросе выборов «скрестились копыя». Галахов сказал так: «Есть предложение выбрать сначала секретаря, а он уж сам подберет себе помощников».

Вот с этого и началось. Я вспомнила, что однажды в садике больницы нам Смирнов сказал то же самое: «Я буду секретарем, если мне дадут подобрать себе помощников». Мы выслушали его и посмеялись: «Ишь, дескать, какой премьер...». По-видимому, шло уже предварительное обсуждение, и Галахов взялся осуществлять эту необходимость для Смирнова на собрании. Я не выдержала и возразила, по-ви-

димому, как всегда резко, что такие «выборы» – прямое нарушение демократии. Всех членов бюро должно выбрать собрание, а уж они потом решат кому быть главой. Но Галахов не сдавался. А с ним и всё окружение: Меренков и другие. Затем началось самое неприятное. Начали предлагать кандидатуры в бюро, и Галахов предложил Логинова первым кандидатом. Того самого Логинова, который окончил четверть с двойкой по литературе. Того, который не принимал никакого участия в жизни класса, болтуна и врунишку... Галахову, по-видимому, захотелось сделать бюро беспомощным и смешным (Ах так, вы отказались от Смирнова, ну так поучайте!).

Помню себя на этом злополучном собрании: очень красная, очень взволнованная, звонкая до дребезжания, до рези в горле, дрожащая от гнева...

Какая это была острая боль, обида. Казалось, будто все, что год скапливалось по зернышку, что заняло так много времени и сил и вызывало живую надежду, что это накопленное – надежный фундамент добрых дел, все собранные чистые улыбки и слова, великодушные поступки и мечты о будущем хорошем, уважающем себя коллективе – всё полетело к чёрту, развеялось как дым от довольного хихиканья с покашливанием бездельника Меренкова, от наглого пафоса Галахова, от хитро косящих глаз Смирнова. Меня в этот день сразила неблагодарность и жестокость мальчишек, которые разрушали все хорошее. Не хватало только гиканья и

посвиста.

В бюро выбрали Колоскова В, Пушкову Н. и Харламову А. Бюро приличное. После собрания домой идти не хотела, да и не могла, ноги не несли. Беседовала с Галаховым. Мальчик так мне был неприятен, что я хлестала его очень колючими словами. Строила тяжелые фразы и не стесняясь, не прачась, сказала, что он испортил всё, что мы так долго строили, что выстрадали и что теперь мы «у разбитого корыта». А мальчик оказался холодным экспериментатором. Он заявил, что ему хотелось проверить, так ли прочен мир в классе, так ли чиста дружба (вернее, ее зачатки), стали ли мы другими. «Оказывается, все на старых местах», – заключил Галахов. Уходить ему тоже не хотелось, он, несмотря на внешнюю расчетливость, монументальность и незыблемость своих убеждений, был по-своему взволнован и нервничал. Беседа очень утомляла и дергала. Мальчишка любит рыться в грязи (пусть меня извинит он за такой анализ его состояния) и извлекать из скверны «жизненные» примеры, как он говорит «от противного». Он делал эксперимент по его выражению. А по моим расчетам он еще и рисовался, и строил из себя этакого нигилиста и попирателя устоев. И вообще показывал свою индивидуальность или «на что способна личность, которая мыслит и никого при этом не боится».

Почему-то хотелось эту личность выпороть самым классическим, дореволюционным способом без скидок на новые времена и на новые производственные отношения.

Но я этому не обучена.

Был поздний вечер. В школе тишина. Ни души. Беседа затянулась. Пришел Восков, Салосин, Марина и Наташа, был и Смирнов. Все по-своему испытывали тревогу, беспокойство. Наверно, и обо мне подумали, ведь все с ужасом наблюдали, как я нервничала и страдала. «Мы очень за вас испугались», – сказала Марина. Домой шли втроем: я, Галахов и Восков. Медленно двигались теплыми переулками, говорили тихо. Рядом с нами шла весна, не допуская волнений по пустякам.

После этого вечера было все: прогулки по набережной Москвы в предпраздничный вечер, стояние у Мавзолея, мечты о летнем отдыхе в лагере и поездка за город. Снова было все, и хорошее, и плохое: угловато-предупредительный Симонов, очень галантно ведущий беседу с девочками, и матерные ругательства на футбольном поле, нежный аромат подаренных мне фиолетовых левкоев и нежелание подчиниться моей просьбе не идти пешком, а поехать к вокзалу на троллейбусе. Никакой логики отношений, ни твердых взаимных симпатий учеников и учителя, учеников и учениц. Всё ми-

молетно, как на нежной акварели, всё только легко намечено, трогательно и непрочно. И вдруг жирный мазок, очень некстати – акварель теряет смысл и аромат.

Вспоминаю глаза десятого «В». Очень любящие, очень доверяющие, сердитые, когда ругаю, и снова любящие. Вчера был в гостях у меня Володя Попов – один из десятков «любимчиков». Как хорошо и тепло с ним. Рассказывал об институте так горячо, так искренне. Вспоминал ребят из класса – так говорят о родных. Утешал меня, сердился на «нынешних».

А нынешние знакомятся со мной, изучают тоже. Только по системе «от противного». Вот гадкий математический метод. Презираю такой кривой ход.

Очень важные выводы

15 мая 1959 года

Май зеленеет. Готовиться к урокам ой не хочется, а надо. Очень сейчас тяжело. Отстаю как всегда по программе. Экзамен «на носу». Имею за душой одну радость. Сейчас выложу. Попросила ребят написать письма о своей профессии, об итогах двух лет обучения на заводе, об их учителях-рабочих. Вчера, в среду, пожертвовала на это урок истории (из таких «штучек» потом складывается классическое отставание).

Учитель знает это приятное ощущение, когда сидишь в классе, а дети пишут. Сопят, деловито шмыгают носом. И больше ни звука. Склоненные к тетрадным головы, осмысленные глаза. И ни за что в такую минуту не хочешь нарушить этот порядок.

Вот так хорошо было вчера. Не контрольную писали, не надеялись получить хорошую оценку, не боялись злой двойки, а письма писали о заводе, о своей профессии – очень серьезно. Это – радость номер один.

Радость номер два – сами записки. Анализ этих записок сделаю в выходной день. А сейчас займусь «распадом колониальной системы».

Вопросы были поставлены так:

– Почему я выбрал данную профессию?

– Мой инструктор – рабочий.

– Роль комсомольца на заводе.

– Что мне дали два года обучения в школе и на заводе?

Прежде всего в ребячьих письмах рассказано, что *они очень серьезно подошли к выбору профессии.*

«Выбор профессии играет решающую роль в жизни каждого человека... Отец, будучи слесарем, предложил мне пойти по его пути. Но мне представлялась эта профессия как примитивная, устаревшая... Работают напильником, крутят гайки и действуют немногими примитивными орудиями слесарного труда. Куда больше меня привлекало постоянное вращение (общение) со сложными станками.

... В этом была своя романтика. Короче говоря, мне нравилась профессия токаря.»

Дарьин Валя

«Токарь – профессия очень широкого горизонта.»

Салосин Шура

«Я выбрал профессию слесаря-ремонтника. Чем это было вызвано? По окончании школы я собираюсь поступить в школу машинистов электровозов. Но машинист должен обязательно иметь знания слесаря-ремонтника по ремонту своего локомотива. Для того, чтобы получить навыки слесарной работы, я и выбрал себе эту профессию... машинист тот же слесарь...»

Лобанов Леня

«О профессии токаря мне много рассказывал сосед – мастер механического завода. Иной раз его рассказы вызывали бурю прений...

Первые дни, проведенные на заводе, дали массу впечатлений, и вместе с тем укрепилось желание ближе и быстрее сойтись с избранным делом.»

Меренков Костя

«...В любом хозяйстве и промышленности без токаря ничего нельзя сделать...

Токарь из бесформенного куска металла делает детали, без которых не может обойтись ни одна машина. Я увидел, как через руки токаря проходят тысячи деталей, и на каждой он оставляет свой след, в каждую он вкладывает свой труд, свою любовь, свое умение.»

Горбунов Витя

Некоторые выбрали профессию по-иному:

«Когда нам предложили выбрать себе профессию, то у меня было желание пойти в конструкторское бюро учиться работать чертежником, ну а дальше можно было бы учиться и на конструктора... Но в конструкторское бюро учеников уже не брали, и мне предложили пойти работать токарем. Я согласилась, но без охоты.»

Харламова Люся

«...Если говорить откровенно, то о профессии контролера я знала очень мало, вернее сказать, ничего не знала кроме того, что контроль – это проверка продукции. Когда я поступала в класс одиннадцатилетнего обучения, я не знала, куда мне идти. Меня не влек ни станок, ни что-то другое... Предложили идти учиться на контролера, я согласилась.»

Тужилкова Марина

«...Много кончающих десятилетку не знают, к чему у них лежит душа. Я не знаю, куда меня тянет больше всего, но зато больше узнаю, куда меня за нос не притащат...»

Я чувствовал, чем ближе я подхожу к окончанию курса средней школы, тем становлюсь растерянной. Какая, какая профессия – моя профессия. Я боялся опрометчивого решения... Мне приходилось видеть, как опускается человек, не любящий свое дело. Я боялся опрометчивого решения.

...Я написал в заявлении: «Прошу обучить меня профессии чертежника, в крайнем случае, токаря.»

Его послали учиться на токаря.

«Раз токарь, так токарь. Говорят неплохая профессия. ... Я привык. Работаю. Ничего. Нет у меня жадного горения к труду. Есть работа хорошо, нет работы...

Есть дело потрудней. Я чувствую: во мне что-то другое стало. В общем, произошла переоценка ценностей. Я еще сам не могу разобрать, что и как, но что-то есть. Встречаюсь с ребятами, которые остались в десятилетке, я невольно сравниваю себя с ними, и могу сказать уверенно: «На данном этапе своей жизни я поступил правильно. Они не имеют почвы под ногами».

Галахов Володя

Ребята писали о трудностях овладения профессией:

«Когда я первый раз пришел в цех, все там было для меня незнакомо. Стояли различные станки. От маленьких и до больших громадин ДИП-200 и ДИП-500. Меня прикрепили к рабочему-инструктору... У него был 7-ой разряд, поэтому было у кого поучиться. Вначале я только смотрел, как работает мой рабочий, затем он дал мне выточить обыкновенный болт. Точил я этот болт наверное минут 20, и когда я снял его и показал рабочему, оказалось, что я деталь запорол... Я отчаялся, и не хотелось даже подходить к станку, но Аким Григорьевич успокоил меня и сказал, что это со всеми так

бывает...»

Кузнецов Гера

«Когда я первый раз встал за станок, я сломал резец, запорол деталь и вообще чуть не поломал станок. Рабочий посмотрел на меня, покачал головой, улыбнулся и признался, что и он тоже начинал работать так же...

Мой рабочий, пожилой человек, много раз утешал меня и старался объяснить устройство станка, его узлы и назначение отдельных частей. Я скоро стал знать станок, но никак не мог запомнить одно слово – «нониус», но и его я вскоре запомнил.

Прошло три месяца, и сосед спросил меня о моем труде на заводе. Я рассказал ему, и выяснилось, что я нахватался только самых верхушек...»

Меренков Костя

«Первый день на заводе я запомню, наверно, на всю жизнь. До этого я ни разу не была на больших заводах, в больших цехах. И вот я вхожу в цех, а цех огромный, шумный. Я растерянно оглядываюсь по сторонам. Рабочие смотрят и смеются над моим растерянным видом...

Почему-то станок в первый момент мне не понравился: какой-то большой, неудобный. Когда Василий Николаевич включил станок, пошел дым, станок завизжал, ну в общем

мне не понравилось...»

Харламова Люся

«...В десятом классе я пришел на завод и узнал, что меня перевели в группу токарей. С этого дня мои планы начали постепенно рушиться, так как работа стала простая и почти каждый раз одно и то же. Приходишь на завод и не знаешь, будет ли у тебя станок и работа или нет. Если нет, начинаешь бродить по заводу, или поставят тебя выполнять слесарную работу. У меня впереди целый год учебы, а уже почти пропал интерес к своей профессии. И когда приходит день, когда надо идти на завод, вся душа стоит за то, чтобы не ходить на него. И теперь передо мной встал уже другой вопрос: «Правильно ли я выбрал себе специальность?»»

Салосин Шура

«...В начале 10-го класса меня перевели в другой цех, и я попал в совершенно другую обстановку. Изменились люди, которые меня окружали. Изменилось оборудование, на котором я работал. Вместо первоклассных станков меня поставили к простому станку, который, кстати сказать, очень старый и в очень плохом состоянии. Это заметно понизило интерес к работе. По иному была поставлена организация труда. Инструменты, материалы надо было доставать самому и различными путями. Это задерживает работу. Но, несмотря на это, мне очень нравилась моя работа.»

Логинов Саша

«...Поставить деталь, включить станок и все, а дальше все

делает станок. Когда деталь обработалась, станок автоматически отключается, и мне остается только снять деталь и замерить размер. Все то время, в течение которого обрабатывается деталь, я ничего не делаю. И вот такое, можно сказать, бездействие в работе мне не нравится. Иногда деталь обрабатывается по 7 мин. И вот эти 7 минут я ничего не делаю...»

Иванова Лидя

Чему научил завод, о людях завода пишут.

Об инструкторе Василии Николаевиче Отряскине.

Из биографии кадрового рабочего:

«...Во время войны он пришел на этот завод. В то время он имел уже 7-ой разряд, поэтому на фронт его не взяли. Такие рабочие-высокоразрядники нужны были в тылу. Очень трудно было работать тогда. На заводе был установлен казарменный режим. С территории завода не выпускали, там же они и ночевали. Спать приходилось очень мало.

Василий Николаевич играет в заводском оркестре на демонстрациях, во время заводских вечеров и празднеств.

Василий Николаевич очень хорошо работает. Все его очень уважают. Если В.Н. увидит, что у кого-то что-то не получается или кто-то неправильно делает, он обязательно подойдет к рабочему и поможет ему или исправит. Он никогда не откажет никому в помощи.

Приходят к нему за советами, не только молодые рабочие, но и старые, и не только по работе.

Несколько раз мне приходилось слышать как ему задавали вопросы по установке телевизора... И всем В.Н. объяснял и помогал. Иногда он говорил, что сам зайдет к товарищу домой и поможет ему. Поэтому-то так и любят все В.Н.

Работаем мы сейчас в группе ремонтников, то есть по ремонту цеха. Работа бывает самая разнообразная и очень интересная. Очень ответственно относится В.Н. к каждой детали. Он отличается аккуратностью. Рабочее место он всегда содержит в порядке. Этому он учит и меня. У В.Н. было очень много учеников. Всем он передавал свои навыки и знания. И все ему благодарны.

Учит он меня, чтобы я не спеша и правильно выполняла все детали... Очень он волновался за меня, когда я сдавала экзамен. И вместе со мной радовался моим успехам. Он очень уверен во мне, и я горжусь этим. Я очень довольна своим инструктором. Он очень любит свой труд.»

Пушкова Нина

«На заводе я поближе познакомился с рабочими, старался узнать их интересы, к чему они стремятся. Хотел узнать, как они добились высокой производительности труда.

Я научился различать станки, разбираться в них, знать в принципе работу всех станков, которые меня окружают.

Завод научил меня уважать труд других. Я понял, как нелегко достаются людям деньги, цену им.

...Завод научил меня уважать людей, их интересы.

...Теперь, слушая уроки, мы знаем, что знания пригодятся нам сейчас, а не когда-то в будущем, как раньше... Это помогает мне лучше учить уроки. Завод расширил наши знания по черчению, металловедению и другим серьезным вещам, которым мы учились на теоретических занятиях.

Двухлетнее обучение на заводе и в школе оставили неизгладимый след в моей жизни.»

Божинский Петя

Очень важные выводы

«Я очутилась в кругу новых людей, я очутилась на производстве, где первое и самое главное – дисциплина, строгая производственная дисциплина...

Вообще следует отметить, что несмотря на то, что люди в ОТК заняты своими делами – каждый проверяет различные детали, ко мне подходил то один, то другой, старался подбодрить, что-то показать... Люди у нас замечательные, друж-

ные. Если кто-то попал в беду, всегда помогут. Вот у них и нужно нам учиться дружить, любить друг друга, уважать.»

Чувство ответственности

«Наша работа очень сложная, напряженная. Ведь если контролер пропустит брак, то деталь попадет в агрегат, и агрегат может не работать – в лучшем случае, а может произойти несчастный случай. На нашей работе нужно быть внимательным, требовательным к себе.»

О будущем

«В коммунизме, вероятно, контролеров не будет в таком количестве, как сейчас, так как рабочие будут серьезнее относиться к делу, будут квалифицированные. Но... армия контролеров сейчас – строители коммунизма. И если я раньше не знала и, вероятно, не любила свою профессию, сейчас она мне дорога, близка. Близки люди, с которыми я работаю. Теперь я работаю самостоятельно, но часто либо не знаю что-то, либо не понимаю. Поэтому приходится обращаться к людям, окружающим меня, а обращаться можно к любому, любой поможет, подскажет...»

Как быть здесь с их самостоятельностью?

7 июня 1959 года

Снова долго не писала. Не могу заставить себя регулярно описывать события. Чаще всего пишу в моменты неудач.

Учебная часть года кончена. У меня довольно много свободного времени. Ребята проходят производственную практику на заводе. Работают ежедневно по 6 часов в день. Видимся мало.

Год кончился более или менее удачно. Грачева – второгодница. Смирнов получил работу по алгебре на осень. Средний балл класса – 3,4. Это – жалкая цифра для 10-го класса. Галахов окончил год на 4 и 5. Лобанов с одной тройкой.

Последние две недели ребята «подрядились» сгрузить в котельную школы 120 тонн угля. Завхоз предложил. Сказал, что за 500 рублей. Эта цифра невероятно мала, но ребятам она показалась огромной, заманчивой, и они согласились. Работа шла ежедневно, но куча угля убывала медленно. Большой энтузиазм проявляли Меренков, Смирнов, Симонов, Галахов, Лобанов. Много работали девочки. Однажды, кажется, на второй день их «горения» нужно было

ехать на субботник с заводскими рабочими (кажется, строить дворец пионеров в Лужники). Я рассказала учащимся, что это необходимо, что это бесплатно (по истории в этот момент мы изучали статью В.И.Ленина «Великий почин»). «Но мы сгружаем уголь», – возражали Смирнов, Меренков. Класс колебался... Тогда я предложила им самим решить, ехать или не ехать с заводскими: «Здесь – за плату, там бесплатно, подумайте, решите». Интересно, что решение состоялось в пользу субботника. В назначенное время у завода был класс... Ленин воспитывал бескорыстность. Работа на угле брала много сил и энергии. Грязные, черные, усталые приходили домой, а на завтра после учебы, после работы на заводе снова грузили.

Я наблюдала за этим энтузиазмом. Сам по себе он был хорош, красив, но за ним скрывалось нечто, что меня тревожило. Какая-то жадность к «халтуре», к «левой» работе. Я пыталась выяснить, куда же хотят истратить деньги ребята. Однажды спросила и получила невразумительный, уклончивый ответ: «Не знаем, посмотрим...». Ответ сопровождался довольно откровенными улыбками, дескать, «какое вам-то дело». Пыталась кое-что предложить: купить, например, мячи футбольные, волейбольные, пинг-понг, насос, то есть всё, что так нам необходимо для прогулок и походов, ведь впереди еще год. Часть денег можно потратить на итоговый вечер с поздравлениями «рожденных», ну, рублей 200, например. Меня выслушали, нехотя соглашались, но думали о своем.

В таком классе, как этот, я не решалась настаивать. Часть ребят очень мелочные, очень любят деньги и очень самостоятельны. Я думала, что не имею прав настаивать. Я видела, что они чрезвычайно неблагожелательны к тем, кто по тем или иным причинам не мог прийти на работу. В.Восков делал переучёт комсомольской организации. Божинского не пускала бабушка. Колосков просто устал. А девочек я сама сняла после того, как однажды сама надорвалась, помогая ребятам. Это осуждение шло не так, как обычно бывает в детском коллективе. Совсем по-другому, до противного серьезно и материально: не дадим участвовать в доле. Таким образом, эта работа, в основе которой лежала материальная заинтересованность, не спланировала, а разобщала. Воспитательные возможности такой работы очень спорны и противоречивы. Естественно, дело кончилось довольно печально.

Несколько дней тому назад мы должны были (как обычно, по субботам в дни летней практики) встретиться и пойти погулять. В этот день меня искали ребята Н.Пушкова и В.Восков, чтобы кое-что сообщить. Это «кое-что» их очень смущало. Мы случайно встретились у больной Людмилы Андреевны, и ребята сказали, что вместо прогулки они решили сегодня устроить вечер. Это сообщение было для меня полной неожиданностью. Именно сегодня, на прогулке я хотела предложить учащимся из заработанных денег помочь Л.А. на лечение и отдых...

Более того, я знала, что им еще не выдали денег, что еще

не вся работа закончена. Нужно было разбросать уголь, уравнивать в шахте. Какой вечер? Зачем? Ведь год учебный еще не кончен? Валя и Нина были смущены. Они со мной согласны, вечер совсем некстати, но что поделаешь, решили... Кто решил? Симонов и Салосин.

Решено вначале потратить на вечер 200 рублей. Потом выяснилось, что у Божинского «одолжили» 300.

Это уже возмутило. Триста рублей из пятисот «прокутить» так просто, без причин. «Пропить» заработанное, что может быть противней. Категорически отказалась принять участие в этом с позволения сказать «мероприятии».

Вот она психология «левых» заработков, вот итог энтузиазма, пота, усталости. Вот тема для долгой разъяснительной работы по поводу гнилых «традиций». Не знаю, не уверена, что беседа может помочь преодолеть этакое, закоренелое. Права ли я была, когда не вмешалась в их денежные операции. Как быть здесь с их самостоятельностью?

Учитель – человек, а не гранитный столб

16 июня 1959 года

Сегодня делала доклад о воспитательной работе в секторе истории ИМО. Делать такой доклад легко и приятно. Ушла с целой кучей комплиментов и довольно дельных верных замечаний. Слушали ученые. Трусила. Получилось хорошо. Они все люди, их волнуют те вопросы, которые волнуют меня. Хочется жить и работать.

Это оказывается не просто мои чудачества, как говорит мама, а очень важные проблемы, которые обязаны решать учителя.

«И это замечательно!» – как сказал уважаемый А.И.Стражев.

У меня неважно прошел экзамен в 10 классе «Б»: устали, волновались, заикались, плохо соображали. Помню этот нехороший день. После экзамена осталась одна, усталая опустошенная. Откуда ни возьмись «мои»: Люся, Нина, Валя. Стали около, молчат, понимают, что мне тяжело. В результате я заплакала, было жаль себя... Ребята молчали. В коридоре они сказали: «Перестаньте плакать, Серафима Григорьевна. Их уже нет. Они ушли. Остались мы. На будущий год мы сдадим блестяще». И я перестала плакать.

«Ах, как не педагогично, – скажет мастер-учитель, – показывать учащимся свои слабости». Ничего страшного не случилось, все в человеческой норме. Учитель – человек, а не гранитный столб. Он имеет право переживать как все люди. Я не боюсь, что учащиеся увидели мои слезы и не боюсь из-за этого потерять авторитет у них. Постараюсь, конечно, в следующий раз держать себя в руках крепче.

Узурпирую власть

18-го июня было последнее интересное собрание.

7 июля 1959 года

Мы решили проделать такую работу: бюро комсомольской организации класса составляет каждому характеристику, честную без прикрас. Затем на собрании каждая характеристика подвергается анализу и обсуждению. Наконец характеристика утверждена, и ее откладывают до конца будущего года. В конце года ее снова обсудят и оформят как официальный документ с печатями и подписями.

Это не мной придумано. Так происходит например с аттестацией студентов в Менделеевском институте. Что здесь важного. Прежде всего:

У бюро:

А) уважение, доверие к бюро класса, которое дает характеристику комсомольцу;

Б) анализ характера и поведения товарища по классу, в ходе составления характеристики, суждения о товарище, проверка, «подчищение» себя;

В) ответственность за правду: избежание предвзятости, действительная сумма положительного и отрицательного, желание помочь товарищу, исправить ошибки.

У класса:

А) очень острый момент проявления общественного мнения, суждения;

Б) возможность организации большего товарищества, сплочивание коллектива, жизни в нем «по всей совести»;

В) серьезное обдумывание черт характера своих и товарищей (ибо часто поступки не ведут к анализу, даже мораль учителя не всегда приводит к обдумыванию, к личным выводам);

Часто понятия в книгах о герое – льстив, искренен, самолюбив, честолюбив, волевой, бесхарактерен, эгоист, мешанка, самоотвержен – проходят мимо сознания, не вызывая личного отношения, и очень часто эти характеристики не понятны (после собрания, в момент собрания вопросы: что такое честолюбие, тщеславие, кого называют циниками).

Д) после обсуждения характеристик выводы: все ребята нашего класса имеют много положительных черт, но и много отрицательных. Есть ребята более положительные, есть более отрицательные.

Опасность или то, что необходимо избежать:

А) Примирение с недостатками – «Какой уж есть, что поделаешь»;

Б) Дальнейшее выпучивание, подчеркивание того, что было вскрыто на собрании;

В) Недовольство кажущейся (или действительной) неправдоподобностью характеристики, преувеличение, преуменьшение положительного, отрицательного.

Собрание ждала с трепетом. Я трусиха. Бюро сначала самостоятельно готовило предварительные характеристики. Они получились лаконичные (просто неполные) и злые. Вот несколько таких записей:

Горбунов: «Играет не только на сцене, но и в жизни почти постоянно. Ломака.»

Колосков В.: «Опустился. Кривляка. Изредка проявляет эгоистические наклонности. Замкнут, злопамятен. Отзывчив в душе. Честен. Аккуратен. Воображала.»

Лобанов А.: «Трудолюбив. Целеустремлен. Замкнут. Труслив. Самолюбив. Груб.»

Меренков К.: «Ленив. Трус. Врун. Не имеет своего мнения.»

В основном, главном бюро было право. Но такие характеристики обсуждать было нельзя, и я, взяв их записи, начала вместе с ними обсуждать каждую характеристику. Приходи-

лось вспоминать и о том, что Горбунов прекрасно организовывал школьный театр и что Меренков очень активно участвовал в концертах самодеятельности, что М.Тужилкова великолепно организовывала сбор средств на подарки «рожденным» и что Смирнов оформлял стенды «Путешествие в семилетку» и стенды для химического кабинета.

Нашлись добрые слова для каждого. Чувствовала, что это вызывает у бюро удивление и радость.

Были жаркие июньские дни. Ребята изнывали в цехах, уставали; после работы ездили купаться... Прибегала Н.Пушкова, наш секретарь и, широко открыв глаза, с тревогой докладывала: «Собрание не выйдет, Серафима Григорьевна, они не хотят. Кузнецов говорит: «Уроки уже кончились, какое может быть еще собрание». Лобанов машет рукой «вот ещё чего придумали!» Ой, никто не придет на собрание. Знаете, мне кажется, они боятся коллективного обсуждения». Звонила Марина: «Они не хотят собрания». Они – это значит Смирнов, Симонов, Меренков и др.

Не скрою, волновалась я перед этим собранием сильно. Ведь очень важно было, чтобы класс был в полном составе, иначе все теряло смысл. Неявка – проявление протеста, а не просто лень и безответственность.

Волнуясь, уговаривала бюро не волноваться. Распределили между собой обязанности, кто будет вести собрание, как вести, как реагировать на ожидаемые «остроты» Меренкова, Лобанова, на скептицизм Симонова. Наконец всё, кажется,

было предусмотрено, и мы разошлись очень утомленные и очень сомневающиеся в результатах.

18-го июня. Кабинет истории. Точно к 2-м часам пришла половина, часть немного опоздала (был рабочий день). Характеристики отсутствующих отложили в сторону.

Собрание начала сама. Объяснила еще раз задачу. Старалась говорить четко, твердо и в то же время искренне и доброжелательно.

Через пятнадцать минут заметила, что передо мной сидит весь класс (кроме большого Титова). Последним прибежал запыхавшийся Женя Симонов и, почуввав тишину, смущенно уселся на задней парте.

Попытка сострить у Меренкова была, но он как-то быстро «скис», характеристики производили впечатление. Обсуждение шло не очень активно, но по существу. В основном, как я и ожидала, изменения в тексте были в сторону некоторого смягчения. Не обошлось и без обид, но не очень болезненных. Прочитав текст, я спрашивала об изменениях и дополнениях (причем человек, которого обсуждали, имел полное право сам возразить). После изменений и дополнений характеристику откладывали до будущего года.

Собрание прошло удачно. От напряжения у меня сильно болела голова, но настроение было прекрасное. Единственное, что мне не нравилось, это то, что пришлось самой вести собрание, что я не нашла сил доверить это любому члену бюро.

Оправдываюсь тем, что бюро еще очень и очень слабое, ни Колосков, ни Харламова Ася, ни тем более Нина Пушкиова не смогли преодолеть улыбки смущения и подверглись бы нападкам со стороны «остряков».

Никак не рада этому обстоятельству и не считаю это своей сильной стороной. Ученые, которые слушали мой доклад, тоже заметили, что я несколько довлею, узурпирую власть. Я согласилась с этими замечаниями, а про себя подумала, что ничего другого в этом учебном году я и не могла сделать: особый класс, особые условия воспитания, вернее перевоспитания, взрослых десятиклассников. Не только ученым это было ясно, но это чувствовали учащиеся и высказывали свое недовольство «диктаторством». Я и им сказала, что на первых порах необходимо им привить простейшие привычки подчиняться воле учителя в самом необходимом, в самом примитивном. Ну а в 11-ом классе я постараюсь привести в действие бюро и актив. Такова задача. Я думаю, что все это выполнимо, тем более что выполнение её уже начато.

Нужна активная жизнь в классе, постоянный «мажор», события, события... Хватило бы сил.

Проверяю свои педагогические воззрения

9 июля 1959 года

Эти записи я делаю в подмосковном доме отдыха «Зеленоградская». Здесь мне тяжело и очень скучно. И вместе с тем здесь очень остро встают проблемы воспитания. Я живу в темной комнатке, окно которой выходит в соседнюю палату на террасе. На террасе живут тринадцать женщин, большинство молодежь, швеи, работницы фабрик. Может быть, на производстве, дома они другие, но здесь от безделья что ли они творят «мелкие чудеса». Матерная ругань, грубые слова, соленые замечания, «задирания» проходящих мимо окон мужчин, песни «нехорошими» голосами – вот основной «мотив» их жизни здесь. Ничего святого, полное отсутствие женственности, скромности резкое обнажение грязи и нечистот, никаких условностей. Где они воспитывались, кто их воспитывал, кто их родители, где они живут.

Лежу в палате, невольно прислушиваюсь к их суждениям и проверяю свои педагогические воззрения. Не уверена, сумеют ли мои воспитанники бороться с отвратительными явлениями в жизни или просто станут скептиками, решив, что

в школе их обманывали, говоря о красоте, величии и чистоте рабочего класса, и что Серафима Григорьевна идеалистка и невежда, жизни не знает. Но ведь за окном на террасе – не жизнь, а просто накипь, дурное испарение.

Еле-еле сдерживаю радость

1959-1960 учебный год

20 сентября 1959 года

Двадцать дней раздумий, двадцать печалей, столько же радостей и пока ни одной строчки. Пора начинать.

Эта тетрадка явно помогает в работе. 1-ое сентября этого учебного года совершенно не такое, как в прошлом году. Был радостный, хороший день. Класс дежурил в школе. Предварительно встретила с ними 31-го. Предупредила о том, что дежурить нужно отлично, всем улыбаться, здороваться и поздравлять с новым учебным годом. Предупреждение вызвало естественное оживление, но первого сентября все произошло прекрасно: и улыбки, и поздравления. И всем понравился класс. А это так важно для самочувствия и ребят и классного руководителя.

Ребята произвели приятное впечатление: хорошо одетые, чистые, скромно причесанные.

В актовом зале началось собрание новых девярых классов (в школе их пять), и наш класс в торжественном молча-

нии внес знамя. Леня Лобанов сказал приветственное слово. Он говорил веско, басом и очень выдержанно и скромно: «Учиться в нашей школе хорошо. Мы учимся и овладеваем профессиями». Потом столь же торжественно знамя вынесли, водрузили его в кабинете истории. И я провела короткую беседу о предстоящем учебном годе, о наших задачах, об ответственности за знамя. Никаких упреков, воспоминаний о прошлых неудачах. Приподнято и радостно о том, что мы самые старшие в школе, все взоры на нас. Мы должны быть примером для всех школьников. Мы – носители традиций этой школы, от нас зависит многое.

Кажется, я говорила хорошо. А по сравнению с прошлым учебным годом (началом) даже совсем хорошо.

Несколько дней назад, кажется 29 августа, я встретила с Леней Лобановым, который рассказал, что лето он провел прекрасно. Работал целый месяц в бригаде коммунистического труда на станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги. Я спросила об этой бригаде, и мальчик даже прищелкнул языком, выражая восторг. Было приятно услышать такой рассказ от мальчика, почувствовать его к этому отношение. Шла домой и, наверно, улыбалась. Настроение было чудесное.

Как и всякий учитель я ждала начала учебного года. Не скрою – мне было страшно:

каким придет мой одиннадцатый. Где они побывали летом, с кем встречались, какие мысли и настроения утвердили, насколько повзрослели и как повзрослели, соскучились ли по школе, как мыслят учиться и работать.

Шутка ли, целое лето не виделись. Я твердо решила терпимо (на первых порах) отнестись к любым неожиданностям, быть внимательной, наблюдать и не раздражаться – целая куча добрых намерений (в них никогда не бывает недостатка).

Первая неделя прошла благополучно. Вторая неделя – тоже без травм.

Учителя отмечали, что класс настроен хорошо. Леонила Михайловна с улыбкой спрашивала: «Что ты с ними сделала? Здороваются, сдержанны. Совсем другая стала Марина Тужилкова. Поделись своими секретами...» Еле-еле сдерживаю радость, хочу просто прыгать в этот момент до потолка...

Вот так и прожила первые две недели. Составила план воспитательной работы. Главные задачи поставила следующие:

Продолжать организацию и укрепление коллектива.

Продолжать и усилить наблюдение и воспитание отдельных учащихся: Смирнова, Титова, Меренкова, Симонова, Горбунова, Лобанова и др.

Провести особую работу по привитию учащимся культурных навыков и привычек.

Хорошо и «без потерь» закончить 11-ый класс.

В первой четверти намечено провести одно собрание о предстоящей учебе, одну конференцию по книге Арк. Первенцева «Разговор о культурном человеке», одно производственное совещание и вечер. Нужно провести работу по организации самообслуживания, работу по участию в строительстве спортивного зала, родительское собрание и отдельно встречу с родителями (доскональную), провести организацию общешкольного вечера, спортивную и политическую работу.

Очень важно – тесная связь с заводом. Еще необходимого равновесия нет. Школьники считают, что школа – основное место их обучения (так мне кажется). О заводе мало говорят и мало думают. Это положение обратное тому, которое наблюдалось в начале практики.

Когда я начала говорить о необходимости проведения производственного совещания, на лицах ребят отразилось недоумение, скука, а Галахов стал возражать вслух.

Это опасно. Если ребята будут без удовольствия, без увлечения относиться к заводским делам, тогда может случиться, что практика пойдет плохо, просто будут считать это потерей

времени, и никаких воспитательных эффектов она не даст.

Несколько замечаний Н.Г.Дайри считаю правильными:

Провести производственные совещания не в школе, а на заводе – больше возможностей сделать это совещание совместным с заводскими людьми и решить вопросы по существу, а не формально.

Выступить нашим учащимся с докладами о полетах в космос, о достижениях в радиотехнике и т.д. (в перерывы обеденные в цехах).

Совместная конференция по книге А.Первенцева «Разговор о культурном человеке» (продумать с комитетом).

Отчеты некоторых учащихся на профсоюзном собрании, партийном бюро, на комитете ВЛКСМ Завода (цеха).

Это надо продумать и организовать. Еще не была на заводе.

О характеристиках. Ребята очень внимательно отнеслись к этому документу. Это вызвало у них реакцию тревоги. Многие рассказали родителям. Родители тоже заволновались. Бабушка Божинского: «Пете записали, что он дважды был нетрезв. Что же это? Мальчик волнуется...». Объяснила бабушке, что ее внук должен волноваться, как же иначе. Это начало его жизни, и он должен чувствовать, что эта линия его поведения, рассчитанная на «повзросление», не верна, и что это вызывает неприязнь товарищей и их осуждение. Разговор с мамой Горбунова: «Вите записали, что он не любит ручной труд, а ведь он так любит мастерить...».

– А на завод он опаздывает и даже несколько дней прогулял. Как это получается при любви к труду? – спрашиваю маму. Мама молчит. Она согласна.

Абрам Семенович в учительской: «А ведь подействовала на Горбунова характеристика. Подошел ко мне и говорит: “Заметили, что я стал лучше работать?”»

Чувствую, что ребята несколько угнетены и недовольны собой. Они, кажется, жалеют, что были так податливы и пассивны при обсуждении характеристик, не возражали, не кричали...

О судьбе характеристик. Надо их снова поднять уточнить, исправить дополнить – где-то в середине года. Понаблюдать за положительным. Ничего не упустить.

Возвратились разболтанные и еще более разобщенные

Теперь о нескольких неприятных событиях.

12 сентября, в субботу, учебы в школе не было. Шли общешкольные спортивные соревнования. Утром пришла на стадион «Пищевик». Наши готовились к футбольной встрече «с десятым». Игра понравилась. Очень корректно и даже красиво получалось у моих. Л.Лобанов принес «с дороги» всем форму – бледнозеленые майки и полосатые гетры. Во время «разминки» все были сосредоточены, серьезны и очень все фасонили. Мы с девчонками «болели». Счет был разгромным 4:0. Игроки и болельщики устали, было холодно, крапал дождь. После игры я с группой мальчиков и девочек ушла со стадиона, а человек шесть остались смотреть футбол у взрослых. Вечером решено было ехать на ВДНХ.

Все было хорошо. Но перед моим выходом на «свидание» раздался телефонный звонок и Пр.Петр. полушутя-полутрагически рассказала мне о том, что день на стадионе окончился «печально». Мои пришли на волейбольную площадку и не подчинились там тренеру. Вызвали милицейскую машину и посадили их туда, если бы не Мар. Александровна, их бы осудили за хулиганство...

Шла «под часы» на Палиху в трауре. Было горько до слез.

Что ж это такое?

У трамвая мне начали объяснять, доказывать, что они ничуть не виноваты, что они и не думали хулиганить, что их обвинили несправедливо и т.д., и т.п.

8 ноября 1959 года

Праздники.

Прошла целая учебная четверть, в которой всё почти, за исключением начала, было плохо.

Вместо того, чтобы провести ряд интересных дел с классом и минимумом ругани по поводу плохой учебы (так ведь было задумано), все произошло как раз наоборот – максимум ругани и минимум добрых дел.

Комсомольские и классные собрания носили аварийный характер. Настроение у коллектива почти ликвидаторское – ничего не хотим, ничего не желаем. Из школы с последним звонком все моментально исчезают. Чужие. Холодные. Учатся плохо. Ведут себя отвратительно. Жалобы учителей в учительской: «Лобанов безобразничал. Выгнала. Меренков прогулял, Колосков грубил, Симонов не учит уроки» и т.д., и т.п.

Дружба? Найденная теплота, доверие? Будто и следа не осталось. Что же это?

Лето сделало свое дело. Из похода возвратились разболтанные и еще более разобщенные Симонов, Колосков, Гор-

бунов, Лисицын. Лобанова будто снова возвратили к состоянию января прошлого года. Девочки как-то потускнели и обмещанились – никаких связей друг с другом. Полное разорение. Разгром.

У меня – сначала растерянность, потом бешенство от бессилия, потом почти равнодушие.

Очень сказалось и отсутствие времени. Вся учебная четверть для меня была очень напряженной. Шла экспериментальная работа в 6-х классах, новая программа в 5-х и обилие материала в 11-ом. Очень много занималась. Вечные посетители на уроках. Нервное напряжение усиливало всю ту неприятную гамму чувств, которые я испытывала по отношению к своим «наречённым».

Обожаем наш класс и друг друга

Перед окончанием четверти (хоть оценки будут решены только за полугодие) началось некоторое (обычное, традиционное) оживление, и слезы, и боль за товарища, но значительно слабее, чем прежде.

Мыли полы в кабинете истории, машиноведения. По просьбе уборщицы Марии Васильевны вымыли большой вестибюль 2-го этажа. Это произвело впечатление: работа внеплановая, только действовала просьба старой, уставшей уборщицы.

И планы проведения праздника...

Вечер? Вечер. У кого? У Титова. Кто пойдет? 7 человек. Нет, тогда не будем собираться. Еще раз: «Кто пойдет на вечер с нами? 11 человек. Будем делать вечер...»

На вечере были все. За исключением Логинова и Лобанова. Характерные полюса. Логинову не нужен наш коллектив. У него появилась новая «игрушка», которая на первых порах его поглотила – мотоцикл (всего 5 тыс. стоит, пустяк). А Лобанов не может быть на вечере. И у него нет ни одной даже пятикопеечной игрушки. Почему? Не знаю. Не знаем. Недавняя беседа с Лобановым: «Почему плохо учишься, почему ведешь себя вызывающе?»

– Устал за лето. Не могу прийти в себя. Плохо себя веду, потому что плохо учусь. Это у меня всегда.

– Вызывать маму?

– Не надо. Обойдемся, больше разговор не повторится.

– Как же будет за школой, в самостоятельной жизни?

– Так же. Взлеты и падения.

Класс очень плохо настроен по отношению к мальчику.

Один Гера Кузнецов ходит за ним «по пятам». Что их связывает? Один груб и даже циничен, умен и едок, другой – не очень умный, улыбающийся, добрый с нежным цветом лица. Один – неопрятен и чубаст, другой – чистенький и румяный. Гера и Леня. На двоих ни одного отца – оба погибли в войну. Матери обоих много и тяжело работают и держат ребят в строгости и порядке.

Ответственный за вечер Смирнов.

Собрались. «Скалькулировали» те пятнадцать рублей, которые внес каждый. Обговорили все организационные мелочи.

– Надо быть очень веселыми, постараться, чтобы всем было весело.

– Да! (Растянуто, неуверенно). Вряд ли получится так.

Но стараться почти не пришлось. Три комнаты на семью у Вити Титова. Чистота. Уют. Роскошная мебель. Суетливая мама приготовила для нас пирог и студень.

Веселая музыка. Танцы. Танцы... Розовые лица девушек. Юноши почти галантны. Галахов, Кузнецов и Дарьин возятся, как в школьном коридоре. Танцы, танцы... Изящный и музыкальный Миша Лисицын. Неуклюжий Петя Божин-

ский.

Удивительно милы все, просты и понятны. В комнатах царит та непринужденность, которая говорит о том, что это собрался школьный класс. Никаких секретов, косых взглядов и нервного смеха. Просто. Понятно. Смешно так, действительно смешно.

Чувствую себя прекрасно. Только как всегда немного грустно. Непрерывно улыбаюсь и вздрагиваю от громких неуклюжих движений Салосина, Кузнецова: боюсь как бы не разбили посуду. Единственная и не очень сложная тревога.

Добросовестно завожу пластинки. Когда ребята чувствуют, что и я хочу танцевать, приглашают и меня. Очень почтительно. Стесняются. Прекрасно. Смирнов очень румян, очень возбужден, очень влюблен (так и не пойму: в Люсю Х. или в Марину Т.)

Во время танца со мной:

– Хорошо у нас сегодня. Очень...

– Я многое, многое понял...

– Простите за откровенность, Серафима Григорьевна, вы мне нравитесь(!)...

Перестаю танцевать. Счастливо улыбаюсь. Вся переполнена необъяснимой радостью, будто получила высокую награду, будто девчонка, которая ждала именно

Этих слов от давно любимого...

У Смирнова и у меня много общего. Только он совсем маленький. Увлечение у нас сменяется унынием и даже злостью. Ссор еще будет много, синяков и шишек хоть отбавляй, но сегодня мы оба обожаем наш класс и друг друга...

Поздно возвращались домой. Улицы совсем пустынные. Идем широкой магистралью, Новослободской, прямо посередине, под гирляндами ламп. Рядом Валя Восков. Он тоже влюблен.

– Замечательный у нас класс, Серафима Григорьевна. Нет больше такого в школе. Что ни человек – интересная личность, индивидуум...

– Нам все в школе завидуют... (Чему – я так и не спросила.)

И, подходя уже к моему дому, снова:

– Прекрасный класс (и т.д. в этом же духе)

Вечером 7-го ноября – мерзла с ними, шатаюсь по праздничным улицам вместе с потоком москвичей. Провожал домой Галахов. Очень интересный человек. Проболтали с ним всю дорогу и все о нашем классе, о наших ребятах.

– Еще бы только год, и тогда уж не нарушить дружбы.

То, что они делают, далеко от истинной педагогики

15 ноября 1959 года

Промелькнуло несколько дней каникул. Снова уроки. В среду 11-го уроки истории у «моих». Хотелось им сказать много-много, но не сумела найти время. Оба урока были очень напряженны, сложная тема, ни минуты свободной. Может быть, я и придумываю, но мне показались они в среду такими прилежными. Они так старательно записывали за мной «Два очага войны», так хорошо слушали, верно реагировали на приводимые примеры. От таких уроков учитель обычно получает удовлетворение. А я вдвойне, потому что я чувствовала, что этот урок – продолжение той теплоты и взаимопонимания, которое было вновь обретено на вечере у Титова.

Небольшое собрание в пятницу 13-го. Рассказала ребятам о предстоящих делах во II четверти. Выразила свои чувства, что дела наши должны пойти хорошо при условии, если ребята начнут заниматься больше, чем до сих пор. Не 3 часа в день (наш максимум), а 5-8 часов (в день учебы). А в день заводской практики будут повторять выученное. Сказала, что

ребята в нашем классе замечательные и что они всё сумеют сделать, если захотят.

Говорила о физике, о химии, об истории. О работе бюро. Хороший разговор, а после него – заседание комитета. Вызвали наших (в этот день на химию опоздали 8 человек, я узнала об этом позднее собрания). На комитете выступала М.А. Лицо у нее горело от яростных слов в адрес одиннадцатого. Хлесткие слова, начиная от «неблагополучно», «тревожно» и кончая «безобразно», «угрожающе» и т.д. Комитетчики, как всегда в таких случаях, молчали (заседание происходило в очень красивом и строгом кабинете директора). Потом выступил А.С.Шварц и дополнил М.А., предложив отобрать знамя у 11-го класса. Меня будто хлестали по щекам. Что испытывали мои, не знаю. Они молчали, а я сказала о том, что отбирать знамя нельзя, что никаких «безобразий» в классе нет (как-то более или менее педагогично сказала, ведь здесь были школьники, которые не должны понимать всю несостоятельность взрослых).

Кое-как меня поняли и М.А. и А.С. Что значит отобрать знамя? Это значит лишить класс крыльев, это – поступить несправедливо. Кому это знамя передать? Кто его более заслуживает?

А.С.:

– Вы объявили о том, что вы будете жить и работать покоммунистически. А что же у вас получается? (Это уже просто злорадно.)

Ребята сидят притихшие, даже какие-то отупевшие. Нужно действительно проклинать тот день, когда они «красиво оформили» (А.С.) свои заповеди, вступив в соревнование.

После моего выступления Люся Х., Нина П., Горбунов В. немного «зашевелились»:

– Как это отнять знамя? Ведь мы собираемся многое сделать! И не так уж у нас плохо.

На комитете предупредили: знамя возьмем, если всё будет продолжаться по-старому.

А.С. я прощаю. Он не педагог, а просто ремесленник со стажем и «опытом», но вот как понять людей, у которых жизнь прошла рядом с детьми, есть образование и вкус.

Не могу понять Х.Д.Рошовскую. Ежедневно она приходит в учительскую и, беря журнал или кладя его на стол, говорит фразы, в которых преобладают слова: «плохо», «плохой», «не знают», «не умеют», «не хотят», «отвыкли», и т.д., и т.п. Пытаюсь ее уговорить, спрашиваю подробности. Резко и непреклонно в ответ: «Они ничего не знают и не хотят знать». Неверии и недоверие – вот что обуревают учителей. Никаких просветов. Вообще, в разговорах в учительской преподаватели выражают чаще всего довольно пессимистические взгляды на дело воспитания своих «подзащитных». Я не знаю почему. То ли это страховка перед предстоящими экзаменами, то ли это результат плохого физического самочувствия, неладов в семье.

Я уже не говорю об учительнице химии, которая, на мой

взгляд, просто случайный человек в педагогике (хоть она и мастер-методист).

Что им сказать? Как добиться, чтобы они посмотрели и на себя, где они неправы, почему они не могут увлечь своим предметом, почему не видят ничего верного, красивого в детях, почему не ищут правильного метода в работе с взрослыми учащимися.

Я покривлю душой и скажу неправду, если буду утверждать, что класс хороший, что ученики добросовестны в учебе. Этого не наблюдается. Занимаются почти все без увлечения, только бы избежать двоек, скандалов...

– Сколько времени вы тратите на уроки?

Нина П.:

– Когда как. Когда знаю, что спросят – много.

И так учится большинство. Так учились до них и так будут учиться после них. Программы огромные. Не до увлечений глубинами.

– Нельзя объять необъятное, – Колосков на вопрос, почему они так плохо учат историю.

Но у нас были прекрасные выпускники, хорошие коллективы. У нас были учителя-мастера, которых сейчас нет. Х.Д. не может заменить Виталия Матвеевича по физике. По языку трудно повторить Татьяну Михайловну. Нет Надежды Иосиповны, Бориса Ивановича... Самое прекрасное в них было то, что они умели увлечься отличным ответом, красивым поступком ученика.

Меня просто поражает, как не умеют учителя, которые, наверно, отлично знают свой предмет, увлечь учеников красивой формулой, логикой доказательства, эффективным опытом. Очевидно у них при этом не блестят глаза, очевидно, они сами не увлечены.

И единственное, что их волнует, это что скажут члены экзаменационной комиссии, когда десяток «серых» плюс десяток «бездельников» не всё ответят на экзаменах.

В школе богатейшие кабинеты и есть «кружки». Я не случайно поставила это слово в кавычки. Кто посещает эти кружки? 2-3 ученика, которые где-то были увлечены, да 2-3 ученика, которые таким «путем» хотят получить доверие учителя. Обидная штука получается. Предвзятость, злопыхательство, нытье – разве на это имеет право настоящий учитель?

Разве каждый учитель не обязан быть воспитателем

и уметь видеть хорошее в детях, воспитывать на хорошем, верно?

Я еще не очень хорошо «владею» предметом, но там, где я знаю, уверена, чувствую ход истории – там я чувствую силу обаяния предмета. И при объяснении и при опросе этого материала я всегда ощущаю, что моя вера, моя убежденность крепко «сидит» в моих учениках.

Недавно мы изучали по новейшей истории «США в период кризисов 29-39 гг.», и я предложила им прочесть Синклера «Автомобильный король», а по теме: «Германия. Приход Фашизма» – произведение Л.Фейхвангера «Братья Лаутензак» (класс читает немного и все больше детективы, приключения). Не далее как вчера я видела в их руках рекомендованные мною книги. После уроков завязалась беседа:

- Ну как, интересно?
- Очень интересно. Хороший темп у Синклера.
- А я немного устал, немного скучно...

От такого начала нельзя было ожидать развернутых разговоров о произведениях, но книги их в действительности увлекли.

Говорили о жизни «среднего американца», о том, как он имел две машины и собирался приобретать третью, как неожиданно нежданно стал безработным, и ему пришлось

все продать и сдать в аренду свой чудесный домик.

Говорили о том, как шатко американское «благополучие».

Безработица (слово, которое повторяется десятки раз во всех темах новейшей истории) в произведении американского писателя приобрело наконец свой истинный смысл для ребят.

– А помнишь, как их увольняли (их – то есть фордовских рабочих): не туда сел, не так сказал мастеру, опоздал на несколько секунд, пробыл в уборной минутой больше положенного времени.

(Среди обсуждавших – трое прочли книгу: Валя В., Шура С. и Толя С..)

– А увлечения Форда? Собирал старый хлам, создавал музей, увлекался птицами. Хотел законсервировать старую Америку.

– А в конце. Сопоставления. Форд с женой и молодая пара: рабочий активист и его жена. Страшное убийство, а Форд веселится на званном вечере...

Сижу рядом. Тоже вспоминаю. Кое-что забыла. Ребята напоминают.

На уроке «2-ая гражданская война в Китае» читаю стихотворение Маяковского «Лучший стих»...

«Есть ли на свете больше силища, чем солидарность, прессирующая рабочий улей...». Глаза ребят. Взволнованность, приподнятость урока. Окраска темы.

Как мне хотелось бы многое знать, чтобы всегда чувствовать, как всё существо ребят, сидящих напротив, наполняется моими знаниями, моей верой и любовью, моей ненавистью.

Я очень поздно стала учительницей. У меня, наверно, не хватит сил и памяти много знать.

Послезавтра 17-го педсовет. Хочется многое высказать. Как это сделать, чтобы не обидеть «мастеров» и чтобы доказать, что то, что они делают, далеко от истинной педагогики. Боюсь. Как бы еще больше не навредить классу.

Попробую все как следует продумать. Только не сейчас. Я уже устала.

Из дневника драматурга А. Афиногенова:

«Людей надо поддерживать радостью, ругать – это очень легко, но от этого люди грубеют, черствеют, замыкаются, перестают верить людям, а потом и себе, и тогда у них ничего не выходит».

Недавно я получила письмо от бабушки П.Божинского.

«Здравствуйте, Серафима Григорьевна, в одно из наших свиданий Вы выразили желание, чтобы я передала Вам свои

наблюдения о связи учебы с производством. Я делаю это с большим запозданием и, весьма возможно, уже без пользы. И, к сожалению, я могу сказать не очень много.

Положительная сторона, по-моему, в том, что (я говорю о Пете) он, познакомившись с заводом, производственными процессами, близко столкнулся с рабочими. Рабочий вызвал у него уважение и даже желание самому стать рабочим. Не имея большого пристрастия к науке, он увидел в рабочем почетное звание, которое его удовлетворяло. Оговариваюсь – это мои соображения, Петя, быть может, не согласился бы с ними. Положительно повлияло на него полученный учащимся заработок: он стал ценить и труд и деньги, и не только заработанные им деньги (в общую кассу он их не вносит, но тратит на культурные цели), но и стал более сознательно, экономно тратить мои деньги, идущие на наше прожитие (за покупками он ходит часто).

Отрицательная сторона. Попав в рабочий коллектив, он возомнил себя «рабочим», еще не став им. Это выразилось в какой-то доле самоуверенности и даже зазнайства (несколько небрежный тон, более развязные манеры). Мои нравоучения (которыми я, может быть, злоупотребляю) стал воспринимать с критикой, в которой слышится нотка «я и сам все это знаю». Приходится задевать его самолюбие, чем вызываю его недовольство, а сама расстраиваюсь.

Мне кажется, что учащимся в самом начале их производственной жизни надо внушить, чтобы они хорошо поня-

ли, что, придя на завод и став у станка, они еще не стали рабочими, а чтобы достичь этого почетного звания, надо приобрести еще многое и многое, а не только внешнее – закурить папироску или выпить вина.

Знаю, что Петя относится к производственной работе с интересом и вниманием. Бывает огорчен, если ему приходится «мало» поработать в свою смену.

С ком. приветом Н.Божинская»

Педагогический совет 17. XI. 59 г.

Хочу выступить. Как?

	Характеристика класса: это – ученики; ни одного хулигана, ни одного распущенного, уличного. За всеми – почти нормальный домашний надзор.	Кружок по химии изучение полимеров. «Как выращивать хороших учеников», Т. Колосков.
	Класс плохо занимается: нет навыков систематической работы; способности у боль-	Запущенность, приводящая к безнадёжности.

	шинства средние; катастрофически слабых нет.	
	Класс в основном дисциплинирован – есть: болтовня на уроках, опоздания.	Это определяет тем, как понимать дисциплину: по максимуму или по минимуму.
?Редко	Резкость с учителями. Коллектив порывист, подвержен настроениям. Иногда порыв бывает более или менее длительным.	
Часто	Бывают полосы неудач, пессимизма, тогда – плохо: недружелюбие друг к другу, к учителям, смешки, скепсис, недоверие ко всему и вся, плохая учеба, неопрятность	Пушкова, Харламова Л., Харламова А., Тужилкова – весь актив в половину двенадцатого оставили станки и ушли в кино.

нестриженные волосы и т.д. Удача начинается с внешнего вида, с интересного дела, с взрыва, с хорошей беседы, с «мощной» ругани, с общей радости.

Но

Класс умеет увлечься. Это – ученики. Хотелось бы, чтобы учителя разбирались в довольно ярких нюансах и реагировали тотчас в период удач, стараясь продлить эту полосу, не допустить первой ссоры. I-ая четверть. Мрачные настроения.

Не отпетый! Доказательства приведите.

К чему об этом?

Лето. Масса новых встреч. Новые мысли. Кончена

традиционная десятилетка, которая во все годы венчала среднее образование – для них оно не окончено. Возраст. Письмо бабушки Божинского. А мы стараемся разобраться во всех этих «новшествах»? Требования- те же. Метод – тот же. Раздражения – больше. Уважения – почти нет.

Мелочь

(Задерживают на уроке химии.) Макаренко – «как можно больше уважения к человеку, как можно больше требований к нему». «Проектировал»

личность. Подражание великому гуманисту Горькому. Учитель. Предмет. Воспитывающее обучение. *Учитель – личность увлекающаяся и обязательно увлекающая.* Х.Д. Рошовская в прошлом учебном году: «За 5 недель практикума ни одного замечания», «оценки только 5 и 4», «Работы оформлены даже изящно». Х.Д. Рошовская в этом году (как в партитурах листа): «плохо, плохо, еще хуже, угрожающе и невероятно плохо».

Найдите «хорошо». Ухватитесь за это хорошее, пойдите от него, воспитывайте на нем. Класс мыл дополнительно вестибюль по просьбе пожилой уборщицы – блестящий материал для воспитания – пусть учитель блеском глаз, улыбкой одобряет поступок и от него: – давайте начнем хорошо учиться! (Подумают – это искусственно, ну, можно другой пример: прекрасный ответ с внутренней логикой, удачная контрольная работа, хорошая практи-

Даже если это «крупница». Прическа Симонова, Дарьин. Газета – Смирнов. Лом – таскали «на совесть».

ческая работа.)

Учителя-мастера. Б.И. Леонтьев. Учителя-ремесленники, урокодатели, далекие, холодные, равнодушные. Бывают ли они с ребятами вне класса (физик, химик – никогда!).

А возможно ли учителю бывать вне класса с учениками, если у них есть еще свои классы?

«Сюрпризам» нет конца

22 ноября 1959 года

«Сюрпризам» нет конца. Несколько дней назад А.С. доложил о том, что Харламова А., Харламова Л., Тужилкова М и Пушкова Н. оставили станки и ушли в кино.

Вчера по моей просьбе собрали линейку производственных классов и зачитали строгий приказ о выговорах девочкам и Меренкову, который нагрубил начальнику цеха. В приказе предложено комитету ВЛКСМ решить вопрос о лишении нашего класса красного знамени. И это тоже я предложила.

Тужилкова плакала.

Вечером были в театре. Смотрели в Театре Советской Армии пьесу Э.Де-Филиппо «Моя семья». Спектакль очень удачный и глубокий. Ребятам понравился и театр, и пьеса. Это – удача. В театре только краем глаза наблюдала за ребятами. Не разговаривала. Как-то очень тяжело. Домой шли вместе. Оживленно обсуждали спектакль, игру актеров, идеи, смысл пьесы.

Надо срочно что-то предпринимать. Что? Скандал? Беседа с родителями? План с активом? Диспут на тему о культу-

ре? Срочно надо идти на завод, но расписание уроков очень неудачно – практика ребят, а у меня уроки, сложная работа в шестых.

6 июня 1960 года

Приходится очень жалеть о том, что я ни о чём не записывала целый год. Нужно написать отчет, а следовательно вспоминать, вспоминать – это очень трудно.

3-го прошел экзамен по истории. Не буду описывать своего волнения перед этим событием. На консультации приходили все, и, как мне показалось, они ничего не знали. Вели себя шумно, даже несколько вызывающе. Прогнала Меренкова. Настроение было ужасное (тем более что должно было приехать множество гостей, которых интересовал этот «эксперимент»).

Но бывают же чудеса! Экзамен прошел очень хорошо. Лучше, чем в прошлом году у 10 класса «В» (не производственного). Слабо отвечали Титов, Кочерыгина, Меренков. Остальные были что называется «на высоте»: очень по существу, скромно, не заученно, очень убежденно. Было много «сюрпризов»: девять человек получили «отлично», 8 – «хорошо» и 4 – «удовлетворительно». Комиссия была очень довольна, а я как экзаменатор, чего уж говорить, просто ликовала. У меня праздник.

Вечером была на Ленинских горах. Как было чудесно с зе-

ленной высоты смотреть на Москву, сверкающую множеством
огней. Все время ощущение сильных крыльев!

Жизнь прекрасна!

Отчет о воспитательной работе в 11 классе 204-ой школы им. А.М.Горького

1959-60 уч. год.

Вопросы воспитательной работы в одиннадцатом классе чрезвычайно сложны. Об этом я могу сказать только сейчас, когда курс их обучения в школе окончен, когда идут экзамены.

Если бы меня спросили, какой коллектив вам предложить взамен этого, я попросила бы такой же. Очень сложный и очень интересный для учителя-воспитателя. Все конечно не так как прежде: нет той теплоты и привязанности, которая обычно сопровождала последний год, и месяцы, и дни в школе моих прежних учеников, нет слез и восторгов, но и нет беспомощности: «куда же мы без школы?». Этого нет, но есть другое – ученики какие-то взрослые, и, пожалуй, они крепче прежних (хоть в науках они и не преуспевали) во многом, как-то они надежнее. Очевидно, здесь большая роль принадлежит заводу, рабочим, труду. Одни работали хорошо, с увлечением, другие – «тянули лямку», но так или ина-

че завод воспитывал и, мне кажется, в основном верно. Во всяком случае, в отличие от наших бывших выпускников, никто из этих, нынешних, не посчитает жизнь отворотительной штукой, если им не удастся поступить сразу в институт, они пойдут на работу без этого гнетущего и неверного чувства своей бестолковости, ненужности и пессимизма. Будут работать и будут учиться, как тысячи молодых рабочих. Это уже верное ощущение окружающей действительности и своего места в жизни.

Жизнь в классе проходила в довольно напряженном темпе. Событий искусственных и естественных было очень много. Собрания, походы, экскурсии, диспуты, вечера, театр, каток и многое другое заполняли их школьные дни. Постоянное движение – это очень важно. Когда наступал «штиль» – ожидай неприятностей – начиналась полоса неудач, проявлялось недружелюбие, смешки, скепсис, недоверие ко всему и вся и двойки, двойки без конца. Удачи начинались с интересного дела, с «взрыва», с хорошей теплой беседы, с общей радости. Класс умел увлечься.

Из серии воспитательных мероприятий надо отметить очень интересный и очень бурный диспут о моральном облике советского молодого человека, который никого из ребят не оставил равнодушным. Взгляды, которые были высказаны на этом диспуте, сводились к очень верным положениям коммунистической морали и коммунистического поведения.

В середине учебного года было проведено производственное собрание с участием мастеров и рабочих, которое тоже вылилось в очень откровенный, большой разговор об организации труда учащихся на заводе, о той пользе, которую они получили, трудясь бок о бок с рабочим классом, о недостатках и достоинствах их практики. Собрание очень тщательно готовил ученик Г.Кузнецов.

Большое впечатление на ребят произвела экскурсия в Горки Ленинские (апрель). Я запомнила сосредоточенным лица ребят, благоговение в глазах. В доме, где жил больной Ленин, ученики шепотом обменивались впечатлениями, боясь нарушить великую тишину. И даже в аллеях, где гулял Ленин, шли осторожно и говорили тихо. И я там не сделала классу (было со мной, правда, 10 человек) ни одного замечания. Тем более меня удивила та реакция, которая последовала у учителей М.Фатеева и Е.Горшковой после экскурсии во Владимир. Страшные, уничтожающие слова о классе, о ребятах, о песнях и шутках в автобусе, о пренебрежении ими памятников старины и о многом другом, что естественно вычеркивало все найденное верное, хорошее.

На мой взгляд, экскурсия во Владимир была просто не продумана – она была и по времени организована так, что ребята в ней не чувствовали необходимости (за несколько дней до конца учебного года такие экскурсии организовывать очень рискованно). Если учитель везет или ведет куда-то учащихся, он должен даже предварительно увлечь

их перспективой, именно увлечь, а этого не было. Меня несколько смутила позиция М. Фатеева, который будучи «гостем» в «химической экскурсии», вел путевые заметки (беспощадные, как всякая фотография) и не посчитал возможным активно вмешаться в быт этой экскурсии.

В этом же учебном году мы с классом посетили выставку французской живописи второй половины XIX в. в Музее изобразительных искусств и, аккуратно просмотрев нетленные полотна великих французов, устав, ушли с выставки с «нетронутыми» сердцами. Напрасно я старательно подводила каждого к картинам Ренуара – равнодушные взгляды, еле еле скрытый зевок – и все. Почему? Да потому, что я сама плохо разбираюсь в живописи и перед выходом в музей не настроила ребят к восприятию картин, а на самой экскурсии я добросовестно пыталась выложить им свои воззрения и даже (чего греха таить) навязывала им свой вкус, а это тем более дурно. Вот и неправильно решена педагогическая задача. Причина во мне. Поэтому на обратном пути, идя по набережной Москвы-реки, я не услышала ни слова о тех часах, которые мы провели в музее. Не было восторгов, а о потерях и скуке при мне просто молчали. Вывод я тогда сделала, кажется, правильный – экскурсию надо готовить тщательно. И не только продумывать ее познавательную и воспитательную отдачу, но и готовить ее с психологической стороны. Надо задумываться и над вопросом: готовы ли учащиеся воспринять то, что я пожелаю им представить?

Бывали мы и в театрах. Еще в десятом классе мы стали «театралами». В этом учебном году запомнилась и мне, и ребятам одна пьеса в Театре Советской Армии «Моя семья» Эд. де Филиппо. Спектакль очень удачный и глубокий. Ребятам понравился. Домой, как обычно, шли вместе. Оживленно обсуждали спектакль, игру актеров, идеи, смысл пьесы. Касались даже своеобразного музыкального сопровождения – на гитаре музыкант очень осмысленно «разговаривал» перед началом очередного действия, передавая зрителю настроение героев, объясняя музыкальными образами образ их мыслей.

Все праздничные дни я провела с классом. Может быть, в этом и нет большой педагогической необходимости, может быть, это от моей трусости – боялась оставить одних, но у нас были очень хорошие праздники (вообще класс умеет веселиться лучше, чем учиться). Запомнился ноябрь, 7-ое. Ответственный за вечер Толя Смирнов. Собрались предварительно. «Скалькулировали» те пятнадцать рублей, которые внес каждый. Обговорили все организационные мелочи.

– Надо быть очень веселым и постараться, чтобы всем было весело, – я – Толе.

– Да-а.. – Толя растянуто, неуверенно, – вряд ли получится так. (Класс находился в очередном «трансе».)

Но стараться почти не пришлось. Три комнаты на семью Титовых. Чистота. Уют. Почти роскошная мебель. Суетливая добрая мама приготовила для нас студень и пирог. Ве-

селяя музыка. Танцы. Розовые лица девушек. Юноши подчеркнуто вежливы, даже галантны, только Галахов, Дарьин и Кузнецов возятся, как в школьном коридоре... Удивительно милы все, просты и понятны. В комнатах царит та непринужденность, которая так свойственна доброму школьному коллективу. Никаких секретов, косых взглядов и нервного девичьего смеха, все как-то по особому мило и тепло... Единственная и не очень сложная тревога – как бы Салосин и Кузнецов не разбили посуду, очень уж неуклюжи.

Поздно возвращаемся домой. Улицы совсем пустынные. Идем широкой магистралью, Новослободской, прямо посреди улицы, под гирляндами ламп. Сколько тем для разговоров! Восторженный возглас Воскова: «Замечательный у нас класс, Серафима Григорьевна, нет больше такого в школе. Что не человек – интересная личность, индивидуум».

Все ребята поддерживают Валу, и я в эту ночь верю, что действительно другого такого класса нет. И Володя Галахов, как бы продолжая мою мысль, говорит, будто про себя:

– Еще бы только год, и тогда уж не нарушить дружбы.

Очень хорошо был проведен первомайский вечер и новогодняя ночь. Ребята привыкали друг к другу, я постоянно была с ними и имела возможность беседовать с каждым не только в официальной обстановке класса, но и дома и на улице, в походе и на экскурсии. Я давно заметила, что такие беседы куда более действительны. Я заметила, что после этих «мероприятий» (если их можно так назвать), класс

бывал прилежней на уроках, как-то мягче, урок как бы был продолжением теплоты и взаимопонимания, которые собирались по крупицам на вечерах, прогулках и походах.

И тем горше становилось оттого, что мои коллеги не замечали ни одной из этих с большим трудом накопленных «крупиц». В одиннадцатом классе было в этом отношении тяжелей, чем в десятом. Я не могла понять Х.Д.Рошовскую, Е.А.Горшкову, которые ежедневно, приходя в учительскую, беря журнал или кладя его, говорили фразы, в которых преобладали слова: «плохо», «плохой», «не знают», «не умеют», «не хотят», «отвыкли» и т.д. и т.п. (Как в партитурах листа: быстро, быстро, еще быстрее, стремительно и т.д.). Пытаюсь уговорить, рассказываю о том, как на днях, например, «мои» мыли полы в кабинете истории, машиноведения и как устали, и как по просьбе уборщицы Марии Васильевны вымыли еще и большой вестибюль 2го этажа. Без дополнительной просьбы учителя, без приказа, просто потому, что уборщица старая и уставшая. Говорю о том, как Лобанов и Кузнецов преданны своим труженицам-матерям, как тяжело им живется, как много трудится Галахов, как добр Салосин и до глупости откровенен Меренков. Тщетно. Ничто не вызывает симпатии у моих коллег. Они непреклонно заявляют, что «они (т.е. ученики) ничего не знают и не хотят знать!». Неверие и недоверие – вот что обуревает учителей. Никаких просветов. Вообще, в разговорах в учительской среди преподавателей чаще всего выражаются пессимистические взгляды.

ды на дело воспитания своих «подзащитных». Я не знаю почему, то ли это страховка перед предстоящими экзаменами, то ли просто результат плохого физического самочувствия. Я была упряма. Я «отбивалась» и «отгрызалась» как могла, иногда же (довольно часто), выслушав очередную порцию ругани, я приходила в класс, «разражалась», и, как правило, результаты были плачевные, начинался тот минор, который не давал ни крыльев, ни сил ни мне, ни ребятам.

Что сказать учителям? Как добиться, чтобы они посмотрели и на себя, где они неправы, почему не смогли увлечь своим предметом, почему не увидели ничего верного, красивого в учащихся, почему не ищут правильного рационального метода в работе со взрослыми ребятами? Ведь каждый из них, по-видимому, очень хорошо владеет своим предметом. Неужели так трудно увлечь учеников красивой формулой, логикой доказательства, эффектно поставленным опытом? Я была пионервожатой, когда работали такие мастера как Протопопова, Леонтьев, Цейтлин, Кульницкая, Жарова, и видела, что эти корифеи методики умели увлечься красивым поступком ученика, отличным ответом. Я помню, например, что комсомольца Болотникова я узнала в момент, когда Б.И.Леонтьев, захлебываясь и сияя, рассказывал в учительской о его блестящем ответе по истории Отечественной войны 1812 г.. Вот с этого ответа и началась школьная биография этого юноши (он пришел в школу, кажется, в 9-ый класс), окончившего школу с золотой медалью. А вот на

меня смотрели скептически, когда я в этом году рассказала о докладе Галахова об Албании, когда присутствующий на уроке А.Т.Кинкулькин слушал, боясь проронить слово этого мальчишки, а после урока восторженно обругал меня:

– Где магнитофон, почему не было на уроке магнитофона?

Меня считают непростительно восторженной, а некоторые откровенно посмеиваются, дескать, преувеличиваю как всегда, но

я твердо уверена, что мы не сумели открыть многих ребячьих возможностей, а в этом, мне кажется, и есть истинная педагогика.

Может быть, поэтому класс и учился серо, скучно, без взлетов, постоянно падая. А сейчас на экзаменах вдруг увидели, как светло и ясно рассказывал сложный билет по физике Галахов, как просто с достоинством выкладывали знания по математике обе Харламовы, как убежденно говорил Лобанов, отвечая историю большой группе людей в комиссии, а Дарьин, Лисицын, Колосков, Логинов – это всё инте-

ресные ученики, светлые головы, их тоже заметили только на экзаменах.

Мне запомнилось высказывание драматурга А.Афиногенова в его дневнике:

«Людей надо поддерживать радостью, ругать – это легко, но от этого люди грубеют, черствеют, замыкаются, перестают верить людям, а потом и себе, и тогда у них ничего не выходит».

Тысячу раз прав этот человек. И если искать первопричины неудач класса – они в постоянной ругани (и мне в этом принадлежит немалая роль, чего греха таить).